

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН ФИТЦЕК

Национальный бестселлер № 1
от самого известного немецкого автора
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРИЛЛЕРОВ

ОСКОЛОК

Захватывающий и драматический триллер
о том, как опасен окажется мир, если вас заставят не доверять
своей памяти.

B.Z.

12 000 000

Себастьян Фитцек

Осколок

Серия «Иностранный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63220438

Осколок: роман / Фитцек С., Пер. с нем. И.А. Эрлер: Центрполиграф;

Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09070-6

Аннотация

Намного сильнее, чем от застрявшего в голове осколка, Марк Лукас страдает от душевной боли из-за автомобильной аварии, виновником которой стал, потому что в ней погибла его жена и не рожденный ребенок. Марк обретает надежду вернуться к жизни, когда узнает о психиатрическом эксперименте, который мог бы избавить его от нестерпимых, мучительных воспоминаний. Но после первого визита в клинику с ним происходит нечто пугающе странное. Список контактов в телефоне оказывается пуст. Ключ от квартиры Марка больше не подходит к замку. На табличке обозначено чужое имя. А когда на его звонок дверь открывается изнутри, Марк попадает в свой самый жуткий кошмар...

Содержание

1	5
2	8
3	15
4	25
5	28
6	37
7	45
8	53
9	57
10	64
11	70
12	72
13	79
14	83
15	86
16	91
17	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Себастьян Фитцек

Осколок

*Это реальность или сон,
И между ними нет ничего.*

Из песни «Сумерки», Electric Light Orchestra

*Цель оправдывает средства.
Жизненная мудрость*

SEBASTIAN
FITZEK

SPLITTER

Издается с разрешения AVA international GmbH, Germany
(www.ava-international.de)

© 2009 by Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH & Co. KG,
Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Сегодня

Марк Лукас медлил. Долго держал единственный неповрежденный палец своей раздробленной руки на латунной кнопке старого звонка, прежде чем заставил себя нажать на нее.

Он не знал, который сейчас час. Ужас лишил его чувства времени. Впрочем, здесь, посреди леса, время не имело никакого значения.

Ледяной ноябрьский ветер и мокрый снег несколько поухили, даже луна иногда просвечивала сквозь рваные тучи. Она была единственным источником света в ночи, холодным и тусклым. Не было ни малейших признаков того, что в увитом плющом двухэтажном деревянном доме кто-то живет. Даже чересчур большая труба на двускатной крыше, казалось, давно не действует. Марк не чувствовал и специфического запаха горящих дров, который разбудил его в доме врача сегодня днем – в начале двенадцатого, когда они впервые привезли его сюда в лес к профессору. Уже тогда он ощущал себя больным. Смертельно больным. И все равно его самочувствие с тех пор намного ухудшилось.

Несколько часов назад внешние признаки его состояния были почти незаметны. Сейчас кровь капала изо рта и носа на грязные кроссовки, сломанные ребра терлись друг о дру-

га при дыхании, а правая рука висела вдоль тела, как плохо прикрученная запасная часть.

Марк Лукас снова нажал на латунную кнопку и опять не услышал звонка, жужжания или какого-либо другого звука. Он отступил на шаг и взглянул наверх на балкон, за которым находилась спальня, откуда днем открывался захватывающий вид на маленькое лесное озеро за домом, поверхность которого в безветрие напоминала стекло – гладкое, темное, готовое разбиться на тысячи осколков, как только бросишь в него камнем.

В спальне по-прежнему темно. Даже пес, чью кличку он забыл, не залаял; не слышно было и прочих звуков, которые обычно доносятся из дома, где хозяев разбудили посреди ночи. Никаких босых ног, топающих вниз по лестнице; никаких тапочек, шаркающих по напольным плитам, пока хозяин нервно покашливает и пытается пригладить растрепанные волосы, предварительно поплевав на руки.

Но Марк все равно ничуть не удивился, когда дверь неожиданно открылась. В последние дни с ним произошло слишком много непонятного, чтобы он хоть на секунду задался вопросом, почему психиатр предстал перед ним полностью одетый – в костюме и с аккуратно повязанным галстуком, – как будто принимал пациентов в основном по ночам. Возможно, он просто работал в дальней части дома, читал давнишние медицинские карты своих пациентов или изучал один из толстых томов по нейропсихологии, шизо-

френии, зомбированию или раздвоению личности, которые лежали повсюду, хотя он уже много лет трудился только в качестве эксперта-консультанта.

Марк также не задался вопросом, почему свет из каминной комнаты проник наружу только сейчас. Зеркало над комодом отражало свет, так что на мгновение у профессора над головой образовался нимб. Затем пожилой мужчина сделал шаг назад, и эффект пропал.

Марк вздохнул, устало прислонился здоровым плечом к дверной раме и поднял раздробленную ладонь.

– Пожалуйста... – взмолился он. – Вы должны сказать мне... – Его язык задел расшатанные зубы. Он закашлялся, и кровь потекла из носа тонкой струйкой. – Я не знаю, что со мной происходит.

Врач осторожно кивнул, как будто ему было тяжело двигать головой. Любой другой на его месте ужаснулся бы и вздрогнул, захлопнул от страха дверь или, по крайней мере, тут же вызвал скорую помощь. Но профессор Никлас Хаберланд ничего этого не сделал. Он лишь отошел в сторону и сказал тихим меланхоличным голосом:

– Мне очень жаль, но вы пришли слишком поздно. Я уже не могу вам помочь.

Марк кивнул. Он рассчитывал на такой ответ. И подготовился.

– Боюсь, у вас нет выбора, – сказал он и вытащил пистолет из своей рваной кожаной куртки.

Профессор направился по коридору к гостиной. Марк последовал за ним, не переставая целиться Хаберланду в спину. При этом он радовался, что старик ни разу не обернулся и не заметил его приступа слабости. Едва Марк вошел в дом, как у него закружилась голова. Головная боль, тошнота, обильное потоотделение... Вдруг вернулись все те симптомы, которые лишь усиливали психические муки последних часов. Теперь ему больше всего хотелось схватиться за плечи Хаберланда и повиснуть на нем. Он чувствовал неимоверную усталость, и коридор казался ему бесконечно длинным, намного длиннее, чем во время его первого визита.

– Послушайте, мне очень жаль, – повторил Хаберланд, когда они вошли в гостиную, которая была примечательна своим открытым камином, где сейчас медленно догорал слабый огонь. Голос профессора звучал спокойно, почти сочувственно. – Если бы вы пришли раньше... Осталось мало времени.

Глаза Хаберланда абсолютно ничего не выражали. Если он боялся, то очень хорошо это скрывал, как и старый пес песочного цвета, который спал в маленькой ротанговой корзине перед окном. Животное даже не подняло голову, когда они вошли.

Марк прошагал в середину комнаты и неуверенно огля-

делся:

– Осталось мало времени? Что вы имеете в виду?

– Посмотрите на себя. Вы в худшем состоянии, чем моя квартира.

Марк улыбнулся Хаберланду в ответ, и даже это вызвало у него боль. Обстановка дома действительно была такой же необычной, как и его расположение посреди леса. Ни один предмет мебели не сочетался с другим. Рядом с элегантным бидермейеровским комодом стоял битком набитый стеллаж из ИКЕА. Почти весь пол был покрыт коврами, в одном из которых безошибочно угадывался половик для ванной, и даже по цвету он не гармонировал с китайским шелковым ковром ручной работы. Все это невольно напоминало кладовку, и тем не менее ничто в этой композиции не было случайным. Каждый отдельный предмет – от граммофона на чайном столике-тележке до кожаного дивана, от вольтеровского кресла до льняных штор – выглядел как сувенир из прошлого. Словно профессор боялся, что потеряет воспоминания о какой-то решающей фазе своей жизни, если расстанется с одним из предметов мебели. Медицинские справочники и журналы, которые громоздились не только на полках и письменном столе, но и на подоконниках, полу и даже в корзине для дров рядом с камином, служили связующими звеньями во всем этом хламе.

– Присаживайтесь, – пригласил Хаберланд, словно Марк все еще был желанным гостем. Как сегодня утром, когда его

положили на удобный мягкий диван, в подушках которого можно было утонуть. Но сейчас ему хотелось сесть прямо перед огнем. Ему было холодно; так холодно, как еще никогда в жизни. – Подбросить дров? – спросил Хаберланд, словно прочитав его мысли.

Не дождавшись ответа, он подошел к корзине, вытащил полено и бросил его в камин. Языки пламени взвились вверх, и Марк ощутил почти невыносимое желание сунуть руки в огонь, чтобы наконец-то согреться.

– Что с вами произошло?

– Простите? – Ему потребовалось немного времени, чтобы оторвать взгляд от камина и снова сконцентрироваться на Хаберланде. Профессор окинул его сверху вниз изучающим взглядом.

– Ваши раны? Как это случилось?

– Это я сам.

К удивлению Марка, старый психиатр лишь кивнул:

– Я так и думал.

– Почему?

– Потому что вы задаетесь вопросом, существуете ли вы вообще.

Ответ буквально усадил Марка на диван. Профессор был прав. Именно в этом заключалась его проблема. Сегодня утром профессор выражался путаными намеками, но сейчас Марк хотел выяснить все точно. Поэтому он снова оказался на этом мягком диване.

– Вы хотите знать, реальны ли вы. По этой причине сами себе нанесли ранения. Дабы удостовериться, что еще способны чувствовать.

– Откуда вы это знаете?

Хаберланд махнул рукой:

– Опыт. Я сам однажды был в подобной ситуации.

Профессор посмотрел на наручные часы. Марк не был уверен, но ему показалось, что он заметил несколько рубцов на запястье под часами, которые скорее походили на шрамы от ожога, чем от ножа.

– Официально я больше не практикую, но аналитическое чутье меня еще не покинуло. Можно спросить вас, что вы чувствуете в данный момент?

– Холод.

– Никакой боли?

– Терпимо. Полагаю, шок еще не прошел.

– А вы не думаете, что вам было бы лучше не здесь, а в отделении скорой помощи? У меня дома нет даже аспирина.

Марк помотал головой:

– Мне не нужны таблетки. Я лишь хочу определенности.

Он положил пистолет на журнальный столик стволом к Хаберланду, который все еще стоял перед ним.

– Докажите, что я действительно существую.

Профессор взялся за затылок и почесал небольшую проплешину.

– Знаете, что отличает человека от животного? – Он ука-

зал на своего пса в корзине, который беспокойно постанывал во сне. – Это сознание. Пока мы размышляем о том, почему мы есть и что будет после смерти, животное не задумывается о том, существует ли оно вообще на этом свете.

Хаберланд подошел к своему псу. Опустился перед ним и ласково обнял обеими руками мохнатую голову.

– Вот Тарзан даже не может узнать себя в зеркале.

Марк вытер кровь с брови, и его взгляд упал на окно. На мгновение ему показалось, что он увидел в темноте вспышку света, но нет, в стекле просто отразилось мерцание каминного огня. Видимо, снова пошел дождь, потому что снаружи стекло было покрыто крошечными каплями. Спустя какое-то время он разглядел и собственное отражение вдаль, во мраке над озером.

– Ну, я себя еще вижу, но откуда мне знать, что зеркало не лжет?

– А что вообще натолкнуло вас на мысль, что вы страдаете галлюцинациями? – задал встречный вопрос Хаберланд.

Марк снова сконцентрировался на каплях на стекле. Его отражение растекалось.

«Ну, например, высотные дома, растворяющиеся в воздухе, как только я выхожу из них. Или люди, которых держат в моем подвале и которые дают мне книги, где я могу прочесть, что произойдет со мной через несколько секунд? Да, потом еще были мертвецы, неожиданно воскресающие».

– Потому что для всего, что случилось со мной сегодня,

нет логического объяснения, — тихо произнес он.

— Очень даже есть.

Марк обернулся:

— Какое же? Пожалуйста, скажите мне.

— Боюсь, на это у нас нет времени. — Хаберланд снова посмотрел на часы. — Осталось совсем немного, прежде чем вам придется окончательно исчезнуть отсюда.

— О чем вы? — спросил Марк, взял свой пистолет с журнального столика и поднялся. — Вы тоже с ними? Вы за этим стоите?

Он направил пистолет на профессора. Хаберланд, защищаясь, поднял руки:

— Все не так, как вы думаете.

— Ну конечно, а откуда вы это знаете?

Профессор сочувственно покачал головой.

— Выкладывайте! — Марк закричал так громко, что на шее у него проступили вены. — Что вы обо мне знаете?

От ответа у него перехватило дыхание.

— Все.

Огонь в камине разгорелся с новой силой. Марк отвел взгляд, его глаза больше не выносили такого яркого света.

— Я знаю все, Марк. И вы тоже знаете. Просто не хотите с этим смириться.

— Тогда, тогда... — глаза Марка начали слезиться, — тогда скажите мне, пожалуйста, что со мной происходит?

— Нет, нет, нет. — Хаберланд сложил руки, как для молит-

вы. – Так это не работает. Поверьте мне. Любое познание бесполезно, если идет не от вас, а извне.

– Что за дерьмо! – крикнул Марк и ненадолго закрыл глаза, чтобы лучше сконцентрироваться на боли в плече. Прежде чем продолжить говорить, он сглотнул кровь, которая собралась у него во рту. – Немедленно скажите мне, что здесь происходит, или, Богом клянусь, я вас убью.

Теперь он целился профессору уже не в голову, а в печень. Даже если он немного промахнется, пуля повредит жизненно важные органы, а медицинская помощь все равно не успеет подъехать сюда вовремя.

Но Хаберланд и бровью не повел.

– Ладно, – сказал он спустя какое-то время, в течение которого они молча смотрели друг на друга. – Вы хотите знать правду?

– Да.

Профессор медленно опустился в вольтеровское кресло и склонил голову к камину, в котором все сильнее полыхал огонь. Его голос перешел в едва слышимый шепот.

– Вы когда-нибудь слышали историю, а потом жалели, что узнали, чем она закончилась? – Он повернулся к Марку и с сочувствием посмотрел на него: – Не говорите, что я вас не предупреждал.

За одиннадцать дней до этого

Есть люди, которых мучают предчувствия. Они стоят на тротуаре, видят проезжающую мимо машину и замирают. Машина самая обыкновенная, не надраенная до блеска, не слишком грязная. И водитель не отличается от других безмянных лиц, которые ежедневно мелькают перед глазами. Он не стар и не молод, не вцепился в руль и не разговаривает по громкой связи, одновременно что-то жуя. Он увеличивает скорость лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы подстроиться под скорость движения потока. Ничто не указывает на грядущую катастрофу. И тем не менее некоторые люди оборачиваются – по причине, которую позднее не могут объяснить полиции, – и смотрят вслед этому автомобилю. Задолго до того, как увидят воспитательницу детского сада, которая напоминает своим хрупким подопечным, чтобы те держались за руки, переходя через дорогу.

Марк Лукас тоже относился к «судьбочувствительным», как его всегда называла жена Сандра, хотя у него этот дар был выражен не так сильно, как у его брата. Иначе шесть недель назад он, возможно, предотвратил бы трагедию. Кошмар, который, похоже, повторялся в эту секунду.

– Стой, подожди еще немного! – крикнул он тринадцатилетней девочке, стоящей наверху.

Она застыла на краю пятиметровой доски для прыжков в воду, обхватив руками ребра, которые проступали под тонкой тканью купальника. Марк не знал наверняка, что заставляло ее дрожать – холод или страх прыжка. Снизу из пустого бассейна этого было не различить.

– Пошел на хрен! – огрызнулась Юлия в мобильник.

Марк задавался вопросом, как они вообще заметили худенькую девочку там наверху. Как-никак бассейн Нойкёльн уже несколько месяцев был закрыт. Видимо, Юлия привлекла внимание какого-то прохожего, который и вызвал спасателей.

– Пошел на хрен! Отвали, наконец, от меня!

Она наклонилась вперед и посмотрела вниз, словно ища подходящее место для удара о грязный кафель. Где-нибудь между большой лужей и кучей листвы.

Марк покачал головой и прижал телефон к другому уху:

– Нет, я останусь здесь. Такую возможность ни за что не упущу, милая моя.

Он услышал за спиной шорох и взглянул на командира отряда службы спасения, который с четырьмя помощниками и матом для приземления стоял на краю бассейна. Мужчина выглядел так, будто уже сожалел о том, что позвал его на помощь.

Они нашли номер его телефона в кармане джинсов Юлии, которые вместе с другими ее вещами лежали, аккуратно сложенные, у лестницы вышки. Не случайно сегодня на ней был

именно тот купальник, в котором она сбежала из дома. В тот летний день, когда отчим-наркоман снова подкараулил ее на озере.

Марк запрокинул голову. В отличие от Юлии у него больше не было волос, которые мог бы растрепать ветер. Уже вскоре после окончания школы проплешины у него стали такими большими, что парикмахер посоветовал ему побриться налысо. С тех пор прошло тринадцать лет. Сегодня, когда его повседневная жизнь определялась ста чашками кофе в неделю, ему еще могла улыбнуться в метро какая-нибудь незнакомка – но лишь в том случае, если попадалась на лож мужских журналов, которые объявляли чертами характера мешки под глазами, морщины, небрежно выбритый подбородок и прочие признаки упадка и деградации.

– Что за дерьмо ты несешь? – услышал он. Ее дыхание яростно дымилось. – Какая еще возможность?

Берлинский ноябрь был известен неожиданными холодами, и Марк спрашивал себя, от чего Юлия умрет скорее – от травм после падения или от воспаления легких. Он тоже был одет самым неподходящим образом. И это касалось не только погоды. Ни один из его знакомых уже не ходил в рваных джинсах и изношенных кедах. Но и работа у них была другая.

– Если ты сейчас прыгнешь, я попытаюсь тебя поймать, – крикнул он.

– Тогда мы оба погибнем.

– Возможно. Но еще вероятнее, что мое тело амортизирует твой прыжок.

Десять минут назад Юлия разрешила ему спуститься в грязный бассейн, и это было хорошим знаком. Спасателям она пригрозила, что немедленно прыгнет головой вниз, если они бросят в пустой бассейн хоть один мат.

– Ты еще растешь, у тебя гибкие суставы.

Он не был уверен, так ли это, учитывая ее пристрастие к наркотикам, но в данный момент аргумент прозвучал убедительно.

– Что за чушь? – прокричала она в ответ.

Теперь он сумел понять ее и без телефона.

– Если ты упадешь неудачно, то следующие сорок лет сможешь шевелить только языком. До тех пор пока один из катетеров, через которые будут отводиться твои биологические жидкости, не засорится и ты не умрешь от инфекции, тромбоза или инсульта. Ты этого хочешь?

– А ты? Хочешь умереть, когда я на тебя свалюсь?

Гортанный голос Юлии был не похож на голос тринадцатилетней девочки. Словно вся уличная грязь собралась на ее голосовых связках, выдавая настоящий возраст ее души.

– Я не знаю, – честно ответил Марк. Тут у него перехватило дыхание, когда Юлия качнулась вперед от порыва ветра. Но, взмахнув руками, она восстановила равновесие.

Пока.

На этот раз Марк не обернулся к ахнувшей за спиной тол-

пе. Судя по громкости, к полиции и спасателям присоединились многочисленные зеваки.

– В любом случае у меня не меньше причин спрыгнуть вниз, – сказал он.

– Ты просто пудришь мне мозги, чтобы остановить меня.

– Неужели? Как давно ты уже посещаешь «Пляж», Юлия?

Марку нравилось название, которое уличные ребята дали его офису на улице Хазенхайде. «Пляж». Это звучало оптимистично и подходило к дрейфующему человеческому материалу, который волной судьбы изо дня в день приносило к его офису. Официально центральное бюро называлось, конечно, по-другому. Но даже в документах сената уже давно не шла речь о «приемной для молодежи Нойкёльн».

– Сколько мы уже знакомы? – еще раз спросил он.

– Без понятия.

– Полтора года, Юлия. За это время я хоть раз пудрил тебе мозги?

– Не знаю.

– Я хоть раз обманул тебя? Или попытался сообщить твоим родителям или учителям?

Она помотала головой, по крайней мере, ему снизу так показалось. Черные волосы падали ей на плечи.

– Я кому-нибудь рассказал, где ты ищешь клиентов или спишь с ними?

– Нет.

Марк знал: если Юлия сейчас прыгнет, это останется на

его совести. Но если удастся отговорить этого кокаиноподобного подростка от суицида, то лишь благодаря тому, что за предыдущие месяцы он сумел завоевать ее доверие. Он не упрекал людей, которые этого не приветствовали, – например, своих друзей, которые до сих пор не смогли понять, почему он тратил свое юридическое образование на «асоциальных элементов», как они их называли, вместо того чтобы зарабатывать деньги в крупной конторе.

– Тебя не было. Шесть недель, – бросила упрек Юлия.

– Послушай, я не был в твоей шкуре. Я не живу в твоём мире. Но и у меня есть проблемы. И в настоящий момент они столь велики, что многие уже давно покончили бы с собой.

Юлия снова замахала руками. Снизу ее локти казались испачканными. Но Марк знал, что это темная короста от ран, которые она сама себе нанесла. Уже не в первый раз она наносила себе раны. Дети, которые резали себя лезвиями, чтобы хоть что-то почувствовать, были самыми частыми посетителями «Пляжа».

– Что случилось? – немного тише спросила она.

Марк осторожно потрогал повязку на затылке, которую нужно будет поменять самое позднее послезавтра.

– Не важно. Мое дерьмо твоего не исправит.

– Аминь.

Марк улыбнулся и коротко взглянул на мобильный, на котором высветился параллельный входящий звонок. Он повернулся в сторону и заметил на краю бассейна женщину в

черном тренче, которая смотрела на него большими, широко распахнутыми глазами. Видимо, полицейский психолог только что приехала и была не совсем согласна с его методами. За ней стоял пожилой мужчина в дорогом полосатом костюме и приветливо махал ему.

Марк решил игнорировать обоих.

– Помнишь, что я сказал тебе, когда ты хотела сдать, потому что ломка была слишком болезненной? Иногда правильные вещи по ощущениям...

– ...Кажутся неправильными. Да, да, это тупое высказывание у меня уже изо всех дыр лезет. Но знаешь что? Ты ошибаешься. Жизнь не только по ощущениям неправильная. Она такая и есть. И твоя глупая болтовня не остановит меня сейчас от...

Юлия отступила на два шага. Казалось, она хочет взять разбег.

Толпа у него за спиной ахнула. Марк продолжал игнорировать параллельный звонок.

– О'кей, о'кей, тогда хотя бы подожди секунду, хорошо? Я кое-что тебе принес...

Он достал из кармана куртки крохотный айпод, поставил его на полную громкость и прижал наушник к микрофону телефона.

– Надеюсь, ты слышишь, – крикнул он наверх.

– И что это будет? – спросила Юлия. Ее голос звучал сдавленно, словно она знала, что сейчас последует.

– Ты ведь знаешь, фильм заканчивается лишь тогда, когда начинает играть музыка.

Сейчас он процитировал одно из ее высказываний. Пару раз, когда она добровольно приходила к нему на прием, Юлия настаивала на том, чтобы перед уходом послушать определенную песню. Это стало их ритуалом.

– Kid Rock, – сказал он. Начало было слишком тихим, а при ветре и посторонних шумах на телефоне и без того непонятным. Поэтому Марк сделал то, что в последний раз делал подростком. Он запел:

– *Roll on, roll on, rollercoaster.*

Он взглянул наверх, и ему показалось, что Юлия закрыла глаза. Затем она сделала маленький шаг вперед.

– *We're one day older and one step closer.*

Истерические крики за ним стали громче. От края доски Юлию отделяло всего несколько сантиметров. Марк продолжал петь:

– *Roll on, roll on, there's mountains to climb.*

Пальцы правой ноги Юлии уже нависли над краем. Не открывая глаз, она прижимала мобильник к уху.

– *Roll on, we're...*

Марк замолчал в ту самую секунду, когда она хотела подтянуть левую ногу. Посередине припева. По телу Юлии пробежала дрожь. Она застыла в движении и удивленно открыла глаза.

– ... *We're on borrowed time,* – тихо произнесла она после

долгой паузы. Вокруг бассейна воцарилась мертвая тишина.

Он убрал сотовый в карман брюк, встретился с ней взглядом и крикнул:

– Думаешь, там лучше? Там, куда ты сейчас идешь?

Ветер трепал его штанины и поднимал листву вокруг ног.

– Все лучше, – крикнула Юлия в ответ. – Все.

Она плакала.

– Серьезно? Я только что задался вопросом, играют ли там твою песню.

– Ты такой говнюк! – Крик Юлии перешел в хрип.

– Это ведь возможно? В смысле, что ты никогда больше ее не услышишь?

С этими словами Марк развернулся и, к полному ужасу полицейских и спасателей, зашагал в сторону лестницы.

– Вы с ума сошли? – раздался чей-то вопль. Другой возмущенный комментарий потонул в коллективном вскрике толпы.

Марк как раз подтянулся на алюминиевой лестнице, когда услышал за спиной удар о кафель.

Лишь выбравшись из бассейна, он обернулся.

Разбитый телефон Юлии лежал на том месте, где он стоял несколько секунд назад.

– Говнюк! – крикнула она ему сверху. – Теперь я боюсь не только жизни, но и смерти.

Марк кивнул Юлии, которая показала ему средний палец. Содрогаясь от всхлипываний, она села на доску. Двое сани-

таров-спасателей уже спешили к ней навверх.

– А поешь ты хреново! – рыдая, прокричала она ему.

Марк не смог сдержать улыбку и вытер слезу.

– Цель оправдывает средства, – ответил он.

Он пробирался через бурю вспышек журналистов-гиен, пытаясь избежать встречи с женщиной в черном тренче, но она встала у него на пути. Марк ожидал услышать тираду упреков и удивился деловому взгляду, которым она его ода-рила.

– Меня зовут Леана Шмидт, – официально представилась она, словно на собеседовании, и протянула ему руку. Длинные каштановые волосы были так туго схвачены на затылке, что казалось, кто-то тянет ее сзади за хвост.

Марк помедлил и снова потрогал повязку на затылке.

– Вы не хотите сначала позаботиться о Юлии?

Он посмотрел на вышку.

– Я здесь не поэтому, – сказала женщина.

Их взгляды встретились.

– Тогда о чем пойдет речь?

– О вашем брате. Позавчера Бенямина выпустили из психиатрической клиники.

Черный блестящий «майбах», припаркованный в конце узкого переулочка, казался в этой местности чужеродным предметом, и не только из-за своих грандиозных размеров. Обычно такие линкоры разъезжали по правительственному округу, а не по району с самым высоким уровнем преступности в столице.

Марк оставил стоять незнакомую женщину, которая хотела поговорить с ним о его брате, и постарался уйти отсюда как можно скорее. Прежде всего потому, что у него было по горло проблем и без новостей о Бенни, но также ему необходимо было отдалиться от этого унылого места. К тому же на улице с каждой минутой становилось все холоднее.

Он поднял воротник кожаной куртки и потер уши. Они были самой уязвимой для холода частью его тела и реагировали на мороз тянущей болью, которая быстро распространится на виски, если он вскоре не окажется в тепле.

Марк как раз раздумывал, не перейти ли ему на другую сторону улицы, чтобы направиться к метро, когда услышал за спиной хруст широких шин. Водитель дважды подал световой сигнал, свет галогенных фар отразился в мокрой мостовой. Марк остался на своей стороне тротуара и прибавил шаг. Если работа на улице его чему и научила, так это тому, что в Берлине лучше как можно дольше не реагировать на

незнакомцев.

Машина подъехала к нему, замедлила ход и почти бесшумно покатила рядом.

То, что «майбах» двигался против движения, водителя, похоже, не волновало. Правда, автомобиль был настолько широким, что все равно не смог бы разминуться здесь со встречной машиной.

Марк услышал знакомое жужжание электрического стеклоподъемника. Затем женский голос с хрипотцой прошептал:

– Доктор Лукас?

Он звучал дружелюбно и немного слабо, так что Марк скошил взгляд и был удивлен тем, что говорил с ним, как оказалось, пожилой мужчина. На вид ему было далеко за шестьдесят, может даже за семьдесят. Обычно с возрастом голос становится ниже, но, очевидно, не в его случае. Марк ускорил шаг, когда узнал мужчину в полосатом костюме. Это он махал ему, стоя на краю бассейна.

«Черт, меня что, сегодня одни психи преследуют?»

– Доктор Марк Лукас, тридцати двух лет, проживающий на Штайнметцштрассе, 67А, в Шёнеберге?

Старик сидел на светлом кожаном сиденье спиной к дороге. Очевидно, салон лимузина был настолько большим, что можно было сидеть друг напротив друга.

– А кто спрашивает? – поинтересовался Марк, не поднимая взгляда. Интуиция подсказывала ему, что незнакомец с

седыми волосами и разросшимися бровями шириной с большой палец не представлял для него никакой опасности. Но это вовсе не означало, что он не мог принести плохие вести. А их в последние недели Марку, ей-богу, было достаточно.

Старик прочистил горло и едва слышно произнес:

– Тот самый Марк Лукас, который убил свою беременную жену?

Марк застыл на месте, не в состоянии сделать ни шага. Влажный осенний воздух превратился в непроницаемую стеклянную стену.

Он повернулся к машине, задняя дверь которой стала медленно открываться. Ритмично зазвучал негромкий электронный сигнал, словно кто-то был не пристегнут.

– Чего вы от меня хотите? – спросил Марк, когда способность говорить вернулась к нему. Голос звучал почти так же хрипло, как и у незнакомца в машине.

– Сколько уже Сандра и малыш мертвы? Шесть недель? У Марка на глаза навернулись слезы.

– Зачем вы это со мной делаете?

– Давайте, забирайтесь в машину.

Старик добродушно улыбнулся и похлопал по сиденью рядом с собой.

– Я отвезу вас в одно место, где вы сможете исправить все случившееся.

Через тонированные стекла «майбаха» бесшумно мелькающие стены домов казались нереальной декорацией к какому-то фильму. Находясь в звуконепроницаемом салоне этого роскошного лимузина, было сложно представить, что за грязными фасадами там, снаружи, живут люди. Или что пешеходы на тротуарах не статисты: ни пенсионер, роющийся в урнах в поисках бутылок, ни группа прогуливающих уроки школьников, которые собирались перевернуть тележку бездомного. Конечно, встречались и неприметные субъекты, которые плелись в накрапывающем дожде. Но казалось, что даже они живут в потерянном параллельном мире, который Марк покинул, как только сел в эту машину незнакомца.

– Кто вы? – спросил он и подался вперед.

Тут же гидравлические воздушные подушки эргономического кожаного сиденья подстроились под его новую позу. Вместо ответа, пожилой мужчина протянул ему визитную карточку. Она оказалась необычно плотной, как вдвое сложенная купюра. Марк был готов поспорить, что визитка пахла древесиной, если понюхать.

– Вы меня не помните? – спросил незнакомец и снова добродушно улыбнулся.

– Профессор Патрик Бляйбтрой? – прочитал Марк и задумчиво провел пальцем по черному рельефному тиснению

на бумаге. – Мы знакомы?

– Вы отправили электронное сообщение на адрес моего института, около двух недель назад.

– Подождите... – Марк перевернул визитную карточку и узнал логотип клиники. Талантливый художник-график переплел инициалы профессора в трехмерную, лежащую на боку восьмерку, знак бесконечности.

– Это объявление в «Шпигеле»... Оно ваше?

Бляйбтрой коротко кивнул, открыл подлокотник рядом с собой и вытащил журнал.

– Мы размещаем рекламу в «Фокусе», «Штерне» и «Шпигеле». Думаю, вы ответили вот на это.

Марк кивнул, когда мужчина передал ему раскрытый журнал. Чистая случайность, что он вообще заметил это объявление, листая страницы. Обычно он не читал новостных журналов, тем более рекламу. Но с тех пор, как ему пришлось ходить на перевязку два раза в неделю, он проводил много времени за чтением – в основном уже старых – журналов, которые лежали в приемной клиники его тестя.

– Научиться забывать, – повторил он заголовок, который уже тогда заморозил его.

«Вы пережили тяжелую травму и хотите стереть ее из памяти? Тогда свяжитесь с нами по электронной почте. «Частная психиатрическая клиника Бляйбтроя» ищет участников для полевого эксперимента, проводимого под медицинским наблюдением».

– Почему вы не отвечали на наши звонки? – спросил профессор.

Марк потер уши, которые постепенно отогревались со знакомой обжигающей болью. Вот, значит, откуда многочисленные звонки, которые он игнорировал в последние дни.

– Я никогда не отвечаю на звонки со скрытых номеров, – сказал он. – И честно говоря, никогда не сажусь в незнакомые автомобили.

– Тогда почему вы сейчас сделали исключение?

– Здесь суше. – Марк откинулся в кресле и указал на мокрое боковое окно. Встречный ветер гнал крупные капли дождя через все стекло. – У вас всегда шеф лично занимается новыми пациентами? – спросил он.

– Только если речь идет о таких перспективных кандидатах, как вы.

– Перспективных для чего?

– Для успеха нашего эксперимента. – Профессор забрал журнал и положил его на прежнее место в средней консоли. – Хочу быть с вами откровенным, Марк. Я ведь могу к вам так обращаться? – Его взгляд упал на кеды Марка и затем поднялся к колену, которое виднелось через рваные джинсы. – Вы не похожи на человека, который зациклен на этикетке.

Марк пожал плечами.

– В чем суть этого эксперимента?

– Клиника Бляйбтроя является мировым лидером в области частных исследований памяти.

Профессор закинул ногу на ногу. При этом полосатая штанина приподнялась над носком, открывая волосатую икру.

– За последние десятилетия сотни миллионов были инвестированы в исследования, чтобы выяснить, как работает человеческий мозг. Говоря простым языком, речь в основном идет об аспектах, которые связаны с темой «обучения». Легионы ученых были и до сих пор одержимы мыслью, что потенциал мозга можно использовать намного эффективнее. – Бляйбтрой постучал себе по виску. – Нет лучшего компьютера, чем тот, что в нашей голове. Теоретически любой человек, прочитав один раз телефонную книгу, может наизусть повторить все номера. Способность строить синапсы и тем самым повышать объем памяти нашего мозга почти до бесконечности – не утопия. Однако, по моему мнению, все исследования в этой области движутся не в том направлении.

– Полагаю, вы сейчас расскажете мне почему.

Автомобиль, управляемый невидимым водителем за непрозрачным стеклом, выехал на перекресток с круговым движением.

– Потому что наша проблема не в том, что мы слишком мало запоминаем. Наша проблема в забывании.

Рука Марка снова потянулась к повязке на затылке. Заметив это бессознательное движение, он тут же отдернул руку.

– Согласно последним данным, каждый четвертый ребенок подвергается насилию, каждую третью женщину хотя бы

раз в жизни принуждают к сексу или насилуют, – рассказывал Бляйбтрой. – Вообще на нашей планете практически нет людей, которые хотя бы однажды не становились жертвами преступления, и половине из них требуется психологическая помощь, по крайней мере кратковременная. Однако не только преступления, но и многочисленные повседневные события часто оставляют раны в нашей душе. Например, любовные страдания с психологической точки зрения чуть ли не более негативны, чем переживания при утрате близкого человека.

– Похоже, вы делали этот доклад уже несколько десятков раз, – заметил Марк.

Бляйбтрой снял с пальца темно-синий перстень с печаткой, надел на другую руку и улыбнулся.

– До настоящего времени психоанализ шел по пути осмысления вытесненных воспоминаний. Мы со своими исследованиями маршируем в противоположном направлении.

– Вы помогаете людям забыть.

– Именно. Мы стираем негативные воспоминания из сознания наших пациентов. Навсегда.

Звучит устрашающе, подумал Марк. Он предполагал, что эксперимент сведется к чему-то подобному, и, отправив электронное сообщение, тут же пожалел о своем пьяном поступке. На трезвую голову он никогда не повелся бы на это сомнительное объявление «Клиники Бляйбтроя». Но в тот

вечер он сделал роковую ошибку и случайно назвал таксисту свой старый адрес. И снова оказался перед маленьким домиком, который все еще выглядел так, словно в любой момент откроется дверь и ему навстречу босиком выбежит улыбающаяся Сандра.

Лишь табличка «Продается», установленная на лужайке, напомнила ему о болезненной утрате. Он тут же развернулся, побежал прочь по безлюдной улице, где летом на асфальте играли соседские дети, а домашние животные спали на мусорных баках, потому что ни одна живая душа здесь не рассчитывала на что-то плохое. Он бежал все быстрее – как только мог – назад в свою новую бесполезную жизнь, в свою одинокую квартиру в Шёнеберге, куда переехал после увольнения. Но так и не сумел убежать от воспоминаний, которые гнались за ним. Воспоминания об их первом поцелуе в семнадцать лет; о смехе Сандры, когда она снова раскрыла ему интригу фильма, прежде чем он сам догадался; о ее недоверчивом взгляде, когда он говорил, какая она красивая; об их общих слезах, которые капали на положительный тест на беременность; и, наконец, воспоминание об этом объявлении, которое он только что прочитал.

Научиться забывать.

Марк сделал глубокий выдох и попытался сконцентрироваться на настоящем.

– Преимущества намеренно вызванной амнезии огромны. Мужчину, под колеса которому выскочил ребенок, больше

никогда не будут преследовать жуткие картинки безуспешной реанимации. Мать не будет до конца жизни ждать, что ее одиннадцатилетний сын вернется с озера.

Машина мягко затормозила, но в обитом деревянном баре все равно тихо зазвенели хрустальные бокалы.

– Не хочу скрывать, секретные службы тоже интересуются нашими исследованиями. Агентов больше не нужно убивать, опасаясь, что со своими знаниями они могут перебежать к врагу. Мы просто стираем опасные сведения у них из головы.

– Вы купаетесь в деньгах, потому что вас спонсируют военные?

– Признаюсь, это миллиардный бизнес, и он как никакой другой будет определять последующие годы. Но в медицинской промышленности так всегда. Пару человек она делает богатыми, но очень многих здоровыми и, возможно, даже счастливыми. – Бляйбтрой пристально посмотрел на Марка, словно собирался его допрашивать. – Мы находимся еще в самом начале, Марк. Мы пионеры в этой области и для своей работы ищем таких людей, как вы. Испытуемых, которые пережили тяжелую психическую травму.

Марк сглотнул и почувствовал себя, как шесть недель назад, когда его тесть, стоя у больничной кровати, сообщил ему жуткую новость.

«Она не выжила».

– Подумайте еще раз, – попросил его Бляйбтрой. – Разве не здорово было бы проснуться завтра и не думать первым

делом о погибшей жене? О ребенке, который так и не родился? Вы избавитесь от чувства вины, потому что даже не будете знать, что врезались на машине в дерево. Снова сможете ходить на работу, встречаться с друзьями и смеяться над комедией, потому что осколок в затылке не станет постоянно напоминать вам о том, что вы отделались царапинами, а Сандра вылетела через лобовое стекло и истекла кровью еще на месте аварии.

Марк демонстративно отстегнул ремень безопасности и попытался нащупать ручку на боковой двери.

– Пожалуйста, выпустите меня.

– Марк.

– Немедленно!

Бляйбтрой мягко положил руку ему на колено.

– Я не хотел вас провоцировать. Я лишь повторил слова из электронного письма, которое вы нам прислали.

– Тогда я был на грани.

– Как и сейчас. Я только что видел вас на краю бассейна.

Вы сказали, что думаете о самоубийстве!

Он убрал руку, но Марк по-прежнему ощущал ее тяжесть на своем колене.

– Я могу предложить вам нечто лучшее.

Хрусталь снова зазвенел, словно два духа насмешливо чокались друг с другом. Только сейчас Марк заметил, что у него вспотела спина, хотя температура в салоне была комфортная. Он снова взволнованно потрогал повязку на затыл-

ке. Однако на этот раз не убрал руку с зудящей раны.

– Чисто гипотетически, – сказал он осипшим голосом, – ваш эксперимент... Как это вообще работает?

В магазине Эдди Валки пахло кошачьей мочой и розами. Ничего необычного, если знать Эдди поближе. Необычно было лишь то, что он уже так рано захотел его видеть. Все-таки его выпустили лишь два дня назад, а ультиматум истекал только на следующей неделе.

– В чем дело, хочешь сделать мне предложение? – засмеялся Бенни и потер левое плечо, которое оба идиота ему чуть не вывернули, когда пытались засунуть в багажник.

При этом он бы и добровольно сел в машину. Никто не сопротивляется, когда с ним хочет поговорить Валка. По крайней мере, долго.

Эдди быстро взглянул на него, затем снова занялся розами на длинных стеблях, которые лежали перед ним на рабочем столе. Он поднимал их одну за другой, оценивал длину, обрезал садовыми ножницами и опускал к остальным в серебристое жестяное ведро.

– Сначала ты должен попросить моей руки у родителей.

– Твои родители мертвы, – глухо сказал Валка и оборвал одной розе головку.

Видимо, ему не понравился цвет ее бутона.

– Ты знал, что, если срезанные цветы подвяли, их нужно ненадолго опустить в кипящую воду? – Эдди щелкнул небольшими садовыми ножницами в руке, чем спугнул кош-

ку, которая хотела запрыгнуть к нему на стол.

– Бутонами или стеблями? – пошутил Бенни.

Он проводил взглядом кошку, которая побежала к своим сородичам под батарею. Никто не знал, почему Валка вообще терпел около себя этих зверьков. Эдди животных не любил. Точнее говоря, он в принципе не любил ничего живого. А цветочный магазин открыл лишь потому, что не мог указать в налоговой декларации свои настоящие источники дохода и, кроме того, не позволял продавцам роз, которые по ночам ходили по барам и забегаловкам города, брать свой убогий товар в других местах. Если он контролировал какой-то бизнес, то на все сто процентов.

Бенни искал, к чему бы прислониться, но душный магазин не был рассчитан на ожидающих. Казалось, он вообще не был заинтересован в покупателях, так как находился слишком далеко от главных торговых улиц Кёпеника и к тому же располагался рядом с боксерским клубом, крепкие посетители которого вряд ли составляют основную клиентуру флориста.

– Кстати, красивое название, – сказал Бенни, взглянув на стеклянную витрину. «Война роз» – было написано там перевернутыми буквами, которые располагались полукругом. – Отлично подходит.

Эдди одобрительно кивнул:

– Ты первый, кто это заметил.

Чешская фамилия Валка в переводе означала «война»,

чем главарь всех вышибал Восточного Берлина невероятно гордился.

Вытерев руки о зеленый резиновый фартук, Эдди впервые посмотрел ему в глаза.

– Ты выглядишь лучше, чем раньше. Уже не такой дохлый. Занимаешься спортом?

Бенни кивнул.

– Черт, похоже, психушка хорошо на тебя повлияла. Как получилось, что тебя уже выпустили?

– Каждые пару месяцев проводится обследование. Такое правило.

– Угу.

Валка достал из ведра особенно длинную розу, понюхал и удовлетворенно кивнул.

– Значит, психиатры думают, что ты больше не опасен для общества?

– После того как мой дорогой брат наконец-то изменил свои показания... – Бенни взялся за лист пальмы юкка, – да, после этого меня отпустили.

– Им нужно было и меня спросить, – заметил Валка, и Бенни ухмыльнулся.

– Честно говоря, я не уверен, что в глазах правосудия у тебя благонадежная репутация.

Эдди обиженно скривил рот.

– Никто лучше меня не подтвердит, что ты и мухи не оби-дишь. Сколько мы уже знакомы?

– Больше семнадцать лет, – ответил Бенни и задался вопросом, когда Валка наконец перейдет к делу. Вряд ли эта встреча будет посвящена воспоминаниям о старых временах.

– Черт, моя сегодняшняя подружка тогда еще даже не родилась. – Улыбка Валки исчезла так же внезапно, как и появилась. – Сначала мы не хотели тебя брать. Ты был для нас слишком мягким. – Еще одна роза лишилась бутона. – Именно это я сказал бы психиатрам, которые заперли тебя в психушке. Я бы им втолковал, что у моего бывшего сотрудника синдром HSP.

Бенни улыбнулся. Редко кто знал этот медицинский термин, обозначающий его психическое расстройство. Но Валка был из тех людей, о которых нельзя судить по внешнему виду. Крепкий, с плоским высоким лбом и кривыми зубами, он казался хрестоматийным вышибалой. На самом же деле он окончил гимназию и даже отучился четыре семестра на психолога, прежде чем понял, что хочет стать не решением, а причиной ночных кошмаров окружающих его людей.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Бенни.

– Ну, я часто задавался вопросом, что с тобой не так. Почему ты совсем не такой, как твой брат, который не уходил ни от одного конфликта.

Эдди подергал заклинивший ящик под рабочей столешницей и с трудом открыл его.

– Я никогда не видел тебя с бабой. И думал, что ты голубой или типа того. Но потом нашел вот это.

Он достал из ящика газетную вырезку.

– HSP, – вслух зачитал он. – Highly Sensitive Person¹. В обиходной речи термин также обозначает человека с болезненной гиперчувствительностью. Такие индивиды воспринимают свое окружение значительно острее, чем обычные люди. Они чувствуют, видят, ощущают все вкусы и запахи намного интенсивнее.

Бенни отмахнулся:

– Это все чушь.

– Неужели? Здесь утверждается, что раньше люди с болезненной гиперчувствительностью были советниками и мудрецами при королевском дворе. Или – из-за своего умения поставить себя на место другого человека, проникнуться его мыслями и чувствами – становились дипломатами, художниками, успешными финансистами... – Эдди оторвал взгляд от текста. – Это объяснило бы, почему ты все время уговаривал меня сменить гнев на милость, сжалиться над моими врагами и втирал подобное дерьмо. – Он шмыгнул носом. – И это объясняет, почему я тогда сделал тебя своим бухгалтером.

Бенни и бровью не повел, хотя Валка наконец-то подошел к настоящей причине их встречи – деньгам.

– Правда, здесь также написано... – Эдди снова заглянул в статью и прищелкнул языком, – что, к сожалению, у таких, как ты, нередко случается депрессия. И эти сумасшедшие часто кончают жизнь самоубийством.

¹ Высокочувствительный человек (англ.).

– Я пока жив.

– Да. Но это заслуга не твоя, а твоего брата.

– Мы обязательно должны говорить о Марке?

Эдди рассмеялся.

– Хорошо, что ты мне напомнил о том, что я хотел тебе показать. Пойдем со мной.

Валка бросил фартук на рабочий стол, взял садовые ножницы и подал Бенни недвусмысленный знак проследовать за ним в дальнюю комнату.

Прилегающее помещение использовалось как склад. Правда, не для цветов, удобрений или ваз, а для мусора, как выяснил шокированный Бенни. Для человеческого, еще живого мусора.

– Пришло время наконец-то излечить твою гиперчувствительную болезнь, – сказал Валка и указал на голого мужчину, который висел на Х-образном кресте. Во рту у него торчал оранжевый мячик с маленьким отверстием в середине, через которое можно было дышать. Казалось, мужчина вот-вот начнет задыхаться, потому что практически не мог втягивать воздух сломанным носом.

– А теперь смотри внимательно, – сказал Эдди и включил строительную лампу, которая свисала с потолка. При этом он ритмично защелкал садовыми ножницами в руке. Глаза подвешенного округлились, когда он услышал лязганье. Он пока не видел лезвий, потому что его голова находилась в приспособлении, напоминающем зажимные тиски, и он не

мог повернуться в сторону. В ушах у него торчали фиксирующие шурупы. Из левого уже текла кровь.

Бенни хотел отвернуться.

– Нет, нет, нет. – Эдди несколько раз щелкнул языком, словно хотел успокоить лошадь. – Смотри сюда.

Он подошел к голому мужчине и поднес ножницы ему к лицу. Блестящие лезвия отразились в зрачках его задыхающейся жертвы.

– Статья просто открыла мне глаза, Бенни. Там написано, что у гиперчувствительных невероятно выраженное восприятие боли. Это правда?

От ужаса Бенни не мог произнести ни слова.

– Некоторым даже не помогают обезболивающие средства. Представь жуткие муки у зубного врача.

Садовыми ножницами Эдди оттянул верхнюю губу своей жертвы в сторону. У мужчины были плохие, желтые от никотина зубы.

– Но самое интересное, что люди как ты, Бенни, особенно восприимчивы к страданиям других. Якобы они чувствуют чужую боль интенсивнее, чем собственную.

Эдди приподнял большим пальцем правое веко мужчины.

– Прекрати, – простонал Бенни, зная, что это бесполезно. Валка хотел продемонстрировать, что случится с Бенни, если он не вернет девяносто тысяч евро, которые одолжил у него.

Эдди в последний раз обернулся к нему:

– Это упрощает дело, мой чувствительный юный друг. Потому что теперь я могу причинить тебе боль, не прибегая к физическому насилию.

Бенни глядел на ритмично вздымающуюся грудь голого мужчины, которому было не больше двадцати пяти лет. Смотрел в его выпученные глаза и чувствовал запах страха, который наполнял влажное помещение. Он ощущал его на своей коже, под языком и знал, что через несколько секунд почувствует жуткую боль. Словно это ему выдавили глаза из глазниц и ржавым ножом перерезали зрительный нерв.

Клиника Бляйбтроя располагалась на Францозишештрассе, недалеко от площади Жандарменмаркт в старинном здании, облагороженном стеклом и сталью, и с самого начала было ясно, что пациенты больничных касс² могут разве что работать здесь в качестве уборщиков. После роскошной поездки, закончившейся на нижнем уровне подземного гаража прямо перед частными лифтами, Марк рассчитывал на все что угодно: пруд с карпами у входа, настоящие льняные полотенца в дизайнерских гостевых туалетах и зал ожидания, который мог бы составить конкуренцию лаунжу первого класса сингапурских авиалиний. Но его ожидания были даже превзойдены, когда он увидел, что из шикарного мужского туалета можно наслаждаться панорамным видом на Фридрихштрассе. Возможно, тот, кто поднимался сюда, и страдал психическим расстройством, но мог и дальше мочиться простым смертным на голову. Его отцу наверняка бы понравилось такое изящное разбазаривание гонораров. *«Денги чувствуют себя хорошо только в красивом портмоне»*, — было одним из его любимых высказываний.

Марк же, наоборот, чувствовал себя вегетарианцем на скотобойне, когда в фешенебельном зале ожидания клиники

² Пациенты, обслуживаемые по программе обязательного медицинского страхования.

заполнял анкету пациента и подписывал договор о конфиденциальности. За полчаса до этого он должен был сдать мобильный телефон, все металлические предметы и даже кошелек охраннику на входе.

– Исключительно в мерах безопасности, – объяснил ему Бляйбтрой. – Вы даже не представляете, на что способны конкуренты, чтобы заполучить результаты наших исследований.

Затем он извинился и передал Марку ассистенту-южанину, который провел его в затемненную комнату для осмотра и молча исчез.

Помещение напомнило Марку кабинет дантиста. В центре затемненной комнаты стояло белое гидравлическое кресло. От него к компьютерному столу отходили многочисленные разноцветные кабели.

– Электроэнцефалография, – произнес мягкий женский голос.

Марк испуганно обернулся, когда тяжелая дверь за его спиной закрылась с тихим щелчком.

– С ее помощью мы будем измерять электрическую активность вашего мозга.

Часть квадратной комнаты была отделена мандариновыми деревцами метровой высоты. Он не заметил за ними ни кожаных диванов, ни врача, которая сейчас поднялась со своего мягкого кресла.

– Простите, не хотела вас напугать, доктор Лукас. Я Пат-

риция Менарди, штатный невролог.

Она подошла к нему с вытянутой рукой. Женщине удавалось выглядеть одновременно дружелюбно и доминантно – в том числе из-за того, что у нее был мягкий голос, но при этом никакого намека на улыбку. Марк заметил крошечный шрам над ее губой, оставшийся, вероятно, после великолепно проведенной операции по закрытию расщепленного нёба. Он был почти уверен, что ее крепкое рукопожатие и мужественная манера в целом являлись частью защитного вала, строительство которого началось еще в то время, когда ее дразнили в школе из-за заячьей губы.

– Доктор Менарди, я только хотел...

– Нет, просто Менарди.

– Хорошо, тогда и моего титула не называйте. Я указываю его, лишь когда бронирую комнату в гостинице, но еще ни разу не получил апгрейд номера.

Врач и бровью не повела.

«Чувство юмора к ее сильным сторонам явно не относится».

– Когда вернется профессор Бляйбтрой? – спросил Марк.

– Через несколько минут. А я пока подготовлю все для исследования.

– Подождите, подождите. Боюсь, вы что-то не так поняли. Я не хочу обследоваться. Профессор лишь хотел объяснить мне, как проходит эксперимент. Чисто гипотетически, потому что я пока еще не согласился принимать в нем участие.

Менарди склонила голову набок и нетерпеливым движением руки проверила свою причёску.

– Да? Мне сказали, что вы наш следующий кандидат на эксперимент с памятью.

– Эксперимент с памятью?

– Главврач расскажет вам обо всех подробностях сразу после обхода. А пока давайте воспользуемся возможностью и внесем ваши данные.

Марк вздохнул и посмотрел на часы.

– Вы теряете время, – сказал он, но все равно сел напротив врача, когда та снова опустилась в кресло. Она налила ему стакан воды из графина и открыла небольшую папку, которая лежала между ними на журнальном столике.

– Марк Лукас, тридцать два года, диплом юриста с отличием. – Она кликнула на соответствующий раздел лежащей перед ней анкеты, которую Марк должен был заполнить в зале ожидания вместе с договором о конфиденциальности. Но уже на середине анкеты ему надоело, и он бросил.

– Оба экзамена на отлично, как и защита диссертации по ювенальному уголовному праву. Насколько я знаю, это удастся немногим.

Менарди с уважением кивнула.

– И сейчас вы работаете с социально неблагополучными детьми и подростками в Нойкёльне? – спросила она.

Ее взгляд упал на часы Марка на правом запястье.

– Подделка из Таиланда, – солгал он и просунул указа-

тельный палец под слишком свободный браслет часов. Ему не хотелось объяснять, как с зарплатой сограбителя он может позволить себе люксовые часы стоимостью автомобиля среднего класса – пусть даже это был подарок от Сандры на день рождения.

– Ваш отец тоже был юристом. – Она достала из папки фотографию и подняла ее так, что Марк ничего не смог разглядеть. – Вы похожи, – сказала она и принялась листать дальше.

Марк никак не отреагировал, хотя ему очень хотелось вырвать анкету у нее из рук. Сходство с отцом было действительно поразительным, правда, чужие это редко замечали, потому что похожесть касалась не столько внешности, сколько характера и жизненной позиции. Франк Лукас тоже был бойцом – как и Марк, он получил аттестат о среднем образовании в вечерней школе, чтобы затем стать адвокатом и посвятить себя простым людям. Вначале, когда он еще не мог позволить себе собственную контору и бюро находилось в домашней гостиной, у Франка за советами перебивала половина соседей. Обманутые жены, пьяные водители, мелкие жулики, уличенные в воровстве. В округе к Папе Лукасу относились больше как к духовнику, чем адвокату. Нередко он предоставлял отсрочку своим «друзьям» или же и вовсе отказывался от гонорара, хотя Мама Лукас устраивала ему потом хорошую взбучку, потому что им нечем было платить за жилье.

Но некоторые из мелких преступников, которым он когда-то помогал безвозмездно, сделали карьеру. Эти мошенники вдруг начали платить наличными и не требовали чеков. Благодаря такой сомнительной клиентуре дела его конторы пошли в гору, пусть и недолго.

– Ваш отец рано умер от поздно диагностированного цирроза печени, а ваша мать, домохозяйка, скончалась спустя несколько месяцев, – продолжила Менарди.

«Откуда она все это знает?»

Если память его не подводила, эту и следующие страницы анкеты он не заполнял.

– У вас есть младший брат, Беньямин? – спросила Менарди.

Марк почувствовал комок в горле и взялся за стакан с водой. Очевидно, невролог потратила время на то, чтобы собрать информацию о нем в Интернете.

– Бенни. По крайней мере, он так себя называл, когда мы разговаривали с ним в последний раз.

– И когда это было?

– Так, дайте подумать. – Марк сделал глоток и поставил стакан на журнальный столик. – Это было, мм... понедельник, вторник, среда... – Он считал дни недели по пальцам. – Приблизительно в четверг. Около полутора лет назад.

– В день его принудительной госпитализации? – Менарди захлопнула папку и постучала ручкой по передним зубам. – После повторной неудачной попытки самоубийства?

Горло у Марка перехватило еще сильнее.

– Послушайте, я не знаю, как вы заполучили всю эту информацию. Но я здесь точно не для того, чтобы болтать с вами о старых семейных делах.

Он встал, но врач успокаивающе подняла руку.

– Тогда расскажите мне, пожалуйста, о травме, которая в итоге подтолкнула вас обратиться к нам.

Марк немного помедлил, затем взглянул на часы и снова опустился на диван.

– Я слышу голоса, – сказал он.

– Простите?

– Вот опять. Кто-то сказал «простите»?

Менарди молча посмотрела на него, потом что-то записала в его медицинскую карту.

– Что вы там пишете? – поинтересовался Марк.

– Я фиксирую, что вы прячетесь за своим чувством юмора. Типично для креативных и умных людей. Правда, это усложняет терапию.

– Я не хочу никакой терапии.

– Однако вам стоит над этим подумать. Не могли бы вы описать мне обстоятельства несчастного случая?

– Зачем вы меня вообще спрашиваете, если и так уже все знаете?

– Потому что я хочу еще раз услышать это от вас. И я обращаю внимание не на то, *что* вы рассказываете, а на то, *как* вы это делаете. Например, ваши попытки обратить все

в шутку более показательны, чем тот факт, что ваша жена, возможно, была бы жива, обратиться вы сразу за помощью.

У Марка появилось чувство, что врач отыскала у него на теле вентиль, через который его можно было сдуть, как надувной матрас. Ему даже показалось, что он слышит шипение, с которым его покидают силы.

– Что это значит? Я не мог обратиться за помощью. Я был без сознания.

– Да? – Врач нахмурила лоб и снова заглянула в документы. – Согласно этому протоколу ДТП, вы позвонили в службу спасения. Однако лишь спустя четырнадцать минут после удара.

Невролог передала ему листок, тонкий и прозрачный, как бумага для завертывания бутербродов. Марк поднял взгляд и пришел в еще большее замешательство, когда прочел в ее глазах неподдельную тревогу.

– Секундочку, – нерешительно проговорила она. Ее щеки покраснели, а листок в руке задрожал. – Хотите сказать, что вы этого не помните?

Это невозможно, подумал Марк, вставая с дивана и подходя к окну. Абсолютно невозможно.

Он не мог набрать 112. Только не в тот момент. Да, это его номер мобильного значился в протоколе службы спасения, который неизвестно каким образом попал в медицинскую карту клиники. Но он не мог никуда звонить. Ударившись головой сначала о дверную раму, а затем о руль, он потерял сознание. Сразу же, а не спустя четырнадцать минут после удара.

В дверь постучали, и Марк обернулся в надежде увидеть невролога, которая несколько минут назад с озабоченным лицом покинула комнату. Но на пороге стоял профессор Бляйбтрой с обаятельной улыбкой, которая наверняка украшала многочисленные рекламные проспекты клиники.

– Что это значит? – набросился на него Марк. – Я думал, что пришел сюда, чтобы забыть. Вместо этого я уйду из вашей клиники с еще более ужасными картинками в голове.

– Доктор Лукас, я должен извиниться за поведение фрау Менарди. Это прискорбное недоразумение.

– Недоразумение?

– У нее не было полномочий говорить об этом.

– Полномочий? – Марк сцепил руки за головой. – Это означает, что я тогда действительно позвонил в службу спа-

сения?

– Нет.

Бляйбтрой сделал приглашающее движение рукой, но Марк предпочел остаться стоять у окна, а не садиться на диван.

– Это был прохожий, – объяснил профессор. – Мужчина, который первым оказался на месте аварии, но у него не было с собой телефона, поэтому он просунул руку через разбитое боковое стекло и достал ваш аппарат.

На улице, одиннадцатью этажами ниже, засигналили автомобили. Пробка или свадьба. Марк отодвинул кремовые ламели в сторону, но из-за строительных лесов и брезентового навеса за окном не смог ничего разглядеть.

– Откуда вы это знаете?

Профессор удивленно посмотрел на него.

– В вашей медицинской карте есть копия протокола ДТП. В электронном письме вы дали разрешение на ознакомление с документами.

Марк смутно припоминал скачанный формуляр и квадратик, в котором он поставил галочку. В тот вечер ему было все равно.

– Разве вы сами не видели этот отчет?

Марк помотал головой. Да он и не просил. Жуткие детали самого страшного дня его жизни были ему не нужны.

– Понимаю, – сказал Бляйбтрой. – Конечно, вы еще переживаете первую фазу траура.

Первая: нежелание принимать. Вторая: сильные эмоции. Третья: поиск себя, освобождение. Четвертая: новое отношение к себе и окружающему миру. Марк знал эту классификацию. В его служебные обязанности входили в том числе и разговоры по душам с пришедшими к нему в офис, а эта схема помогала ему лучше понять ситуацию детей, которые потеряли на улице кого-то близкого. Однако на себя он эту схему примерять не хотел.

– Я не отрицаю смерть Сандры, – запротестовал он.

– Но хотите вытеснить это воспоминание!

– Я думал, это и есть тот путь, который вы предлагаете, профессор? Забыть!

Бляйбтрой подошел к нему и встал рядом у окна. На улице было ветрено, и брезентовый навес на строительных лесах прогибался внутрь под порывами ветра.

– Возможно, это прозвучит парадоксально, – сказал главный врач. – Но прежде чем забыть, необходимо вспомнить. Поэтому, я боюсь, нам придется еще раз вместе пройти по всем обстоятельствам аварии.

– Зачем? – Марк обернулся к нему.

– Чтобы не упустить никаких обрывочных воспоминаний, которые позже начнут прорасти из вашего подсознания, как сорняки. – Бляйбтрой положил руку, покрытую старческими пятнами, Марку на плечо, и неожиданная близость ненадолго переломила его инстинктивную оборонительную позицию.

Первая фаза. Отрицание. Вытеснение.

Они снова сели.

– Особо рассказывать нечего. Мы возвращались с небольшого семейного праздника на вилле ее отца, когда все случилось.

Бляйбтрой подался вперед.

– По какому случаю было торжество?

Ветер за окном так сильно сотрясал строительные леса, что скрип и треск были слышны даже через звуконепроницаемые стеклопакеты. Марк вздохнул.

– Сандра получила крупный заказ на новый сценарий. Она была актрисой и сценаристом, но вы это и так знаете.

Он беспокойно поерзал на диване. Сандра всегда подтрунивала над Марком, что он такой непоседа. В кино он не мог спокойно высидеть и одной сцены.

– Это был бы ее первый сценарий для кинофильма, американцы были готовы заплатить огромные деньги, и мы отметили это с ее отцом.

– Профессор Константин Зеннер?

– Хирург, да. Он... – Марк запнулся. – Он был моим тестем. Вы наверняка знаете клинику Зеннера.

– Мы рекомендуем ее всем нашим пациентам, если требуется оперативное вмешательство. Слава богу, это бывает нечасто.

Марк снова поменял позу и от волнения оттянул кожу под подбородком, прежде чем продолжить.

– Мы ехали по практически пустой лесной дороге, которая ведет из Сакрова в сторону Шпандау.

– Сакров под Потсдамом?

– Тогда вы знаете, где это. Дом семьи Зеннер располагается прямо у воды с видом на Павлиний остров. Как бы то ни было, я ехал слишком быстро для однополосной дороги. Сандра разозлилась из-за этого, мне кажется, она даже грозила выйти из машины.

Марк ненадолго закрыл глаза и, как обычно, попытался отогнать от себя те немногие воспоминания о трагической поездке.

– Что случилось затем? – осторожно спросил Бляйбтрой. Чем тише он говорил, тем женственнее звучал его голос.

– Честно говоря, я не знаю. Воспоминания о последних часах перед аварией стерты. Больше того, что вам рассказывал, я не знаю. Мой тесть говорит о ретроградной амнезии. Праздник у Константина, разговоры на обратном пути – все это стерто. – Марк безрадостно рассмеялся. – К сожалению, *только* это. За остальное теперь отвечаете вы.

– Хм.

Врач скрестил руки на груди, что подчеркнуло недоверчивый тон его следующего вопроса.

– А воспоминания о последних секундах в машине так и не вернулись?

– Вернулись. Частично, но лишь с недавних пор. Правда, я не уверен, что из этого сон, а что случилось на самом деле.

– Интересно. Что же вы видите во сне?

Марк махнул рукой.

– Обычно на следующее утро я помню только несвязные обрывки диалогов. Сандра уговаривает меня и умоляет не препятствовать.

«Ты же сам всегда говорил, что цель оправдывает средства? Разве это не твой жизненный девиз?»

«Ты сошла с ума, Сандра. Цель никогда не может оправдать смерть».

– Чему вы пытались воспрепятствовать?

– Понятия не имею. Предполагаю, что мое подсознание играет со мной злую шутку, и я говорю здесь о несчастном случае.

Марк раздумывал, стоит ли рассказать профессору действительно все детали их последнего разговора, когда тот задал самый мучительный из всех вопросов:

– Почему она отстегнулась?

Марк сглотнул. Один раз, другой, но комок в горле лишь увеличился.

– Я не знаю, – наконец сказал он. – Сандра потянулась назад, вероятно, чтобы достать что-нибудь перекусить. Она была на шестом месяце, и мы всегда имели с собой сладости на случай неукротимого голода. А он наступал регулярно, особенно когда Сандра сердилась.

Марк задался вопросом, достал ли кто-нибудь плитку шоколада из бардачка, прежде чем сообщения об аварии появились в прессе, и у него перехватило дыхание.

– Что случилось затем? – тихо спросил Бляйбтрой.

«Я вдруг увидел, что Сандра что-то держит в руке. Фотографию? Она показала мне снимок, но он был бледный и крупнозернистый. Я ничего не разглядел. Я вообще не уверен, происходило ли это на самом деле. Потому что я вижу это только в своих снах, хотя день ото дня они становятся все более отчетливыми».

Марк пока рассказал об этом только своему тестю, и то лишь потому, что считал сновидения побочными эффектами медикаментов, которые он должен был принимать из-за осколка.

– Потом лопнула шина, – продолжил он. – Машина дважды перевернулась, прежде чем...

Марк попытался улыбнуться. По какой-то абсурдной причине он считал, что в настоящем должен преуменьшать значение трагедии перед незнакомыми людьми.

– Затем я очнулся в клинике Зеннера, а остальное вы можете прочитать в медицинской карте, – сказал он.

Бляйбтрой кивнул.

– Как вы себя чувствуете с тех пор?

Марк взялся за полупустой стакан. На то, чтобы долить воды, у него уже не было сил.

«Так, как чувствует себя человек, у которого на совести

смерть жены и нерожденного сына».

– Я чувствую усталость, вялость. Любое движение дается мне с трудом. У меня болят суставы и голова. – Он попытался усмехнуться. – Отправьте меня в дом престарелых, и мне будет о чем там поговорить.

– Типичные признаки тяжелой депрессии.

– Или любой другой смертельной болезни. Я как-то погуглил эти симптомы. Первым делом выскочила реклама похоронной службы и магазина гробов.

Бляйбтрой приподнял левую бровь, чем еще раз напомнил Марку о жене. У Сандры от природы были изогнутые брови, которые придавали ее лицу неизменное удивленное выражение.

– Эти жалобы появились у вас только после аварии?

Марк медлил с ответом. Вообще-то и раньше бывали дни, когда он чувствовал себя как выжатый лимон – утомленным и разбитым, словно с похмелья, хотя не пил ни капли алкоголя. Константин очень беспокоился и за две недели до смерти Сандры уговорил его полностью провериться, включая анализы крови и томографию, но в итоге ничего необычного не обнаружили.

– Скажем так, авария не улучшила моего состояния...

Раздалось тихое жужжание, и Марк не сразу понял, что это будильник его наручных часов напоминает об очередном приеме таблеток. Он вытащил две продолговатые капсулы из крохотного карманчика, который по загадочной причине

спрятан в правом кармане большинства джинсов. Раньше он хранил там жвачку.

– Вы принимаете эти лекарства из-за вашей травмы? – спросил профессор, когда Марк запил таблетки последним глотком воды.

Марк кивнул и инстинктивно коснулся своей повязки.

– Врачи не хотят рисковать и делать операцию. Осколок очень маленький, но прилегает к шейному отделу позвоночника. Таблетки, которые я принимаю, должны помочь инородному телу лучше срастись с мышечной тканью, не вызывать воспаления и не быть отторгнутым. Если ничего не получится, то его придется вырезать, но в таком случае я рискую остаться парализованным ниже шеи, когда очнусь от наркоза.

– Осколок причиняет боль?

– Нет, только чешется.

Настоящая боль сидела намного глубже. В отличие от смехотворного осколка она топором рассекала ему душу.

– Хорошо... – хотел продолжить Бляйбтрой, но Марк перебил его:

– Нет, ничего не хорошо. На этом мы закончим. Таблетки вызывают у меня сильную усталость, иногда тошноту. Так что мне нужно будет скоро прилечь, если вы не хотите, чтобы меня вырвало у вас на паркет. К тому же с меня хватит. С тех пор как я сел к вам в машину, меня только и кормят пустыми обещаниями. Но, вместо ответов, вы с коллегой под-

вергаете меня настоящему допросу. Итак, у вас сейчас есть две возможности. Или я немедленно выхожу в эту дверь...

– ...Или я наконец-то открою вам нашу маленькую тайну, – закончил Бляйбтрой фразу. На его лице снова вспыхнула пятизвездочная рекламная улыбка. – Хорошо, пойдемте со мной.

Не переставая улыбаться, профессор неуклюже поднялся из кресла.

– Следуйте за мной. Возможно, вы всего в нескольких шагах от новой жизни.

– Человеческий мозг не архив, – объяснял Бляйбтрой, закрывая обитую кожей дверь в свой кабинет. – В нем нет ящиков, которые при желании можно выдвинуть и задвинуть, чтобы положить или достать информацию.

Профессор сел за массивный письменный стол, предварительно убрав со стула стопку бумаг, которую положил к неряшливым кипам папок и книг на полу. Марк опустил на белый деревянный стул и огляделся.

В отличие от стерильной чистоты и порядка в других помещениях клиники эта комната выглядела почти запущенной. Грязные кофейные чашки и надкусанный сэндвич лежали на столе рядом со справочниками и горками медицинских карт пациентов. В ярком свете галогенных ламп Марк увидел жирное пятно на галстуке профессора, которое не заметил в полумраке лимузина и смотрового кабинета.

– Раньше я думал, что для каждого воспоминания в мозгу имеется определенное место. Но, конечно, это не так.

Бляйбтрой прокатился на своем стуле по паркету, ловко маневрируя между горами документов на полу. Затем открыл шкаф и вернулся с моделью мозга, которую с трудом поместил между телефоном и пресс-папье размером с небольшую гантель, прямо на раскрытый журнал по нейропсихологии.

– Я хочу вам это продемонстрировать.

Сформированная из искусственной серой губки модель была размером с детский футбольный мяч и крепилась на деревянной подставке.

Когда Марк снова обратил внимание на Бляйбтроя, тот держал в обеих руках две стеклянные ампулы. В левой находилась красная, в правой прозрачная жидкость.

– Сейчас будут фокусы?

– Типа того. Следите внимательно.

Профессор отломил горлышко левой ампулы и наклонил ее над серой массой головного мозга.

– Мысль как капля. – С этими словами миллилитр кроваво-красных чернил упал на кору модели. Капля тут же начала свой путь по капиллярной системе губки. – Когда событие становится воспоминанием, оно образует миллиарды нервных связей.

– Синапсы.

– Абсолютно точно. Посмотрите сюда, Марк. – Профессор постучал ручкой по различным участкам мозга, которые один за другим окрашивались в красный цвет. – Каждое воспоминание сохраняется при помощи многочисленных дополнительных связей. Звук мотора, голоса, ругающиеся люди, какой-то запах, определенная песня, которую играли по радио, взгляд на воду, шелест листьев в лесу – все это может реактивировать память и вызвать жуткие воспоминания об аварии.

– И как вы хотите стереть их из моей головы? – спросил Марк.

– Никак. – Бляйбтрой вскрыл другую ампулу. – Во всяком случае, не изолированно. К сожалению, мы можем удалить только всю память.

– Подождите. – Марк прочистил горло и ткнул в последний серый участок переднего отдела мозга. – Я правильно понял, вы хотите стереть *все* мои воспоминания?

– Искусственное провоцирование тотальной амнезии. Да. Это единственная возможность. И сфера наших исследований.

Бляйбтрой повернул модель к Марку, чтобы тот мог лучше видеть, как распространяется красная краска.

– Потеря памяти вызывается в основном тремя факторами, – продолжил он. – Это сильные травмирующие события, которые человеческий мозг хочет забыть, повреждение головного мозга в результате несчастного случая и воздействие химических наркотических средств.

Бляйбтрой вылил бесцветную жидкость из второй ампулы на губку, и Марк с удивлением заметил, как красные пятна в некоторых местах побледнели.

– Дайте угадаю. Вы поставили на химию и разработали таблетку Альцгеймера, которую я должен проглотить?

– Примерно так. Разумеется, все несколько сложнее, но в принципе вы правы.

– Чисто из журналистского интереса. Что произойдет по-

сле?

Губка тем временем практически вернулась к своему первоначальному цвету.

– Вы имеете в виду, после того как мы вызовем у вас амнезию?

– Да.

– Все очень просто. Мы снова вас загрузим.

– Простите?

– Конечно, с воспоминаниями и событиями, которые вы действительно хотите оставить. Это можно сравнить с форматированием компьютера. Если невозможно установить ошибку системы, лучше все удалить и снова загрузить работающие программы. Так мы поступим и в вашем случае. В ходе подробных и интенсивных опросов вы определите, что хотели бы помнить. После введения искусственной ретроградной амнезии наступит реабилитационная фаза, в которой вы столкнетесь с вашим прошлым. Конечно, за исключением событий, связанных с вашей женой.

– А что с моим окружением? – спросил Марк. – С моими друзьями, знакомыми, отцом Сандры? Как только я встречу с Константином, он заговорит со мной о смерти своей дочери.

– Не в том случае, если вы их никогда больше не увидите.

– Простите?

Бляйбтрой откатился на своем стуле назад и улыбнулся. Казалось, он почувствовал себя в родной стихии и даже вы-

глядел на несколько лет моложе, чем до этого в лимузине. Его голос тоже звучал тверже:

– Именно поэтому ваша кандидатура нам подходит. Вы работаете в социальной сфере, но сами практически не имеете социального окружения. Ваши родители рано умерли, с братом контакта нет. Коллеги в офисе постоянно меняются, с клиентами вы общаетесь, как правило, недолго.

– Но меня хватятся мои друзья.

– Те, которые работают в крупных конторах и забудут про ваш день рождения без напоминания в аутлуке?

– Я ведь живу не в вакууме. Как вы себе это представляете? Мне нужно будет покинуть город?

К удивлению Марка, профессор кивнул.

– Разумеется, мы позаботимся о вашей новой жизни. Это тоже часть эксперимента. Мы перевезем вас в другую федеральную землю, организуем вам там работу, интегрируем в общество с подходящей легендой. Мы даже возьмем на себя расходы по переезду. Кстати, мы сотрудничаем с экспертами из программы защиты свидетелей.

– Вы рехнулись, – произнес Марк скорее как утверждение, чем как вопрос.

– Конечно, мы выбираем экстремальные пути. Но тот, кто идет протоптанной тропой, никогда не откроет новый мир. – Профессор снова приподнял левую бровь. – Подумайте над такой возможностью, Марк. Вы можете первым на этой планете начать новую психическую жизнь. Свободным от какого

бы то ни было душевного балласта, безмятежным, как новорожденный. И я говорю не только о несчастном случае. Мы поможем вам забыть *все*, что когда-либо вас ранило.

Он указал на модель мозга, которая опять стала серой, как в начале показа.

– Назад к заводским установкам? Перезагрузка? – спросил Марк.

– У вас есть выбор.

Бляйбтрой открыл ящик письменного стола и достал небольшой листок с мелким плотным текстом.

– Вам нужно лишь подписать этот формуляр заявки, и мы сможем сразу же приступить.

Это была ошибка. Марк знал, что не нужно поддаваться на уговоры. Но он подумал, что проще пройти предварительные исследования и затем больше никогда не появляться в клинике, чем долго обсуждать с главврачом все за и против этого абсолютно неприемлемого эксперимента.

Поэтому он для вида согласился провериться на всевозможные медицинские и психологические критерии исключения.

«Возможно, вы все равно не подходите для участия в эксперименте», – убедил его в итоге Бляйбтрой. Скрытое душевное заболевание, тяжелая инфекция или слабое сердце исключают вас как пробанда. Даже его редкая группа крови, четвертая с отрицательным резус-фактором, была уже проблематична.

В итоге прошло еще два с половиной долгих часа, прежде чем «майбах» высадил Марка перед входом в его съемное жилье в районе Шёнеберг. Сто пятьдесят минут, в течение которых у него брали кровь, заставляли заниматься на различных тренажерах для ЭКГ с нагрузкой и делали энцефалограмму, проверяя изменения биопотенциалов головного мозга. Время от времени он чувствовал себя как на медосмотре, когда терапевт сначала просил сдать мочу, затем проверял сердечно-легочную деятельность, в то время как

окулист уже ждал его с тестом на зрение. Врачей не интересовало, что многие из этих исследований были уже проведены его тестом несколько недель назад. Так как клиника Бляйбтроя не хотела использовать чужие данные, ему даже пришлось еще раз сделать томографию.

Больше всего времени заняли изоощренные психологические вопросы. В отличие от тестов в женских журналах, которые так любила Сандра, здесь Марк и понятия не имел, в чем цель этих на первый взгляд безобидных вопросов.

«Если бы у вас был выбор, вы бы скорее отказались от одного глаза или чувства обоняния? Ваши сны чаще цветные или черно-белые? Закончите следующее предложение: „Я за смертную казнь, если...“»

Марк был так измотан, что теперь уже не мог вспомнить свои ответы. К тому же суставы болели при каждом шаге, и он думал только о таблетке снотворного и согревающей ванне, которые он примет одновременно. Неудивительно, что, погруженный в мысли, он не заметил темную фигуру, которая, притаившись у входа в дом, уже довольно долго дожидалась его.

– Леана Шмидт? – повторил он имя, которым она уже представлялась ему. Сегодня, несколько часов назад, сразу после попытки самоубийства Юлии в бассейне Нойкёльн. Ее волосы по-прежнему выглядели так, будто их заглаживали утюгом назад, и Марк подозревал, что под глухо застегнутым тренчем скрывается скучный светло-серый брючный костюм. Единственное, что немного оживляло ее внешний вид, был наполненный до краев пакет из дискаунтера, который она держала в руке и из которого торчали «женские покупки» – вещи, которые мужчины, как правило, игнорировали в магазине, – например, пучок редиса или стебли сельдерея. Раньше они с Сандрой часто смеялись над тем, насколько по-разному ведут себя в магазинах. В то время как она набивала тележку в супермаркете фруктами, обезжиренным творогом, кондиционером для белья и петрушкой, он застревал перед акционными полками, на которых размещались CD-диски, шуруповерты и картофельные чипсы.

– Черт возьми, как вы меня здесь нашли?

Стройная женщина опустила покупки на землю и окочевшими пальцами помассировала место на запястье, куда врезались ручки пакета.

– Я была у вас в офисе. Там мне дали этот адрес.

Ее голос звучал напористо, как будто она ожидала изви-

нения за то, что он заставил ее так долго ждать.

– И чего вы от меня хотите?

– Я... я медсестра в клинике, где находился ваш брат.

– И что?

Он достал ключ от входных ворот, однако тот ему не пригодился. Правила, вывешенные у лифта, призывали квартиро-съемщиков запирать ворота после восьми вечера, но этого требования мало кто придерживался, как и запрета бросать стеклянные бутылки в общий мусорный бак.

– Я переживаю из-за Бенни, – категорично сказала Леана, и Марк очень хорошо представил себе, как эта решительная женщина обращается с пациентами. Ее тон звучал профессионально, но при этом не пугал. Идеальная комбинация, чтобы не чувствовать себя опекаемым, но с достаточной авторитарностью, чтобы не сомневаться в каждом указании. Вероятно, Леана была не просто медработницей, а старшей медсестрой в своем отделении или, по крайней мере, на пути к этой должности.

Он вошел в подъезд, где автоматически зажегся верхний свет. Леана подхватила свой пакет и последовала за ним.

– Он сказал мне, что вы однажды уже спасли ему жизнь.

– Неужели? – коротко отреагировал Марк.

Действительно, полтора года назад он нашел Бенни с перерезанными венами в ванне. Обычно они встречались только раз в год, на Рождество, у могилы родителей. Но в то утро на его телефоне высветились три пропущенных звонка, а на

голосовой почте было оставлено неразборчивое, с посторонними шумами сообщение, которое могло быть от его брата. После того как Бенни не отреагировал на звонки, Марк поддался спонтанному импульсу и поехал к нему. Там с ужасом обнаружил, что сообщение на автоответчике было прощальным посланием.

– Я считаю, вам нельзя было отказываться от своего заявления. – Она моргнула. – Я имею в виду, перед судьями и врачами.

Марк все еще не понимал, к чему этот странный разговор. Вызвав тогда скорую помощь, чтобы спасти Бенни жизнь, он применил старый трюк, после которого пытавшегося покончить с собой тут же берут под психиатрическое наблюдение. Он заявил, что перед неудачной попыткой суицида Бенни хотел убить и его, поэтому представляет собой опасность для общества. К тому же это являлось преступлением. Так как у Бенни за плечами уже было несколько попыток суицида, общая картина обстоятельств оправдывала его временное принудительное нахождение в закрытой клинике. Ложь Марка была ложью во спасение и должна была оградить брата от улицы и окружения, которое все сильнее затягивало его на дно. К тому же в психиатрической лечебнице Бенни не так легко смог бы добраться до пояса или бритвы и наконец-то был бы изолирован от Валки.

– Послушайте, на сегодня с меня хватит историй о самоубийствах, – сказал он, пытаясь открыть почтовый ящик, но

какой-то вандал, похоже, погнул замок отверткой.

«Еще и это».

Ключ больше не вставлялся, поэтому застрявший в щели рекламный проспект с мебелью был единственной почтой, которую Марк сумел достать.

– Поэтому, если вы не против, я хотел бы сейчас отдохнуть и...

– Ваш брат очень изменился, – перебила его Леана. – Ни с того ни с сего.

Она схватила Марка за рукав, и он хотел уже вырваться, как погас свет. Интервал реле времени истек, а так как старый выключатель внизу не подсвечивался светодиодом, прошло некоторое время, прежде чем Марк его нащупал. Когда в подъезде наконец стало светло, он был уже на пределе своих сил и даже не мог прервать разговор с этой странной медсестрой.

– Конечно, Бенни изменился, все-таки побывал в психушке, – начал он.

– Я говорю не об этом. – Леана помотала головой. – Все эти месяцы он не следил за собой, распустился. Не хотел бриться, есть, не спал по ночам. Часто отказывался выходить из палаты и становился по-настоящему агрессивным, когда его заставляли это делать.

Марк смиренно кивнул. Все это не было для него новостью. Именно по этой причине врачи и не делали хороших прогнозов для Бенни, а его пребывание в клинике из крат-

современного превратилось в долгосрочное.

– Но внезапно, – Леана прищурилась, из-за чего ее взгляд стал еще более пристальным, – где-то месяц назад, перед медобследованием, его словно подменили. Он потребовал фруктов и витаминных соков, под присмотром начал выходить на пробежки в парк и читал Библию.

– Библию?

Это действительно не было похоже на его брата.

– Я не уверена, означает ли это что-нибудь... – продолжила она, – но поведение Бенни изменилось после МРТ.

МРТ? Неужели у психического расстройства Бенни была органическая причина?

– И вот что еще странно. Обычно мы просвечиваем мозг, чтобы обнаружить аномалии, но Бенни сделали МРТ только брюшного отдела, хотя он никогда ни на что не жаловался. Я достала снимки.

– И?

– Ничего. Он абсолютно здоров.

– Вы не врач, Леана.

– Но у меня есть глаза. И я видела, как после этого обследования Бенни несколько раз пытался выплюнуть свои таблетки. Когда я спросила его об этом, он сказал, что больше не хочет яда в своем организме.

Марк повернулся и сделал шаг в ее сторону.

– Куда вы вообще клоните?

– Мне кажется, он притворился перед медкомиссией.

– Зачем ему это делать? Он знал, что я откажусь от своего заявления.

После того как трагедия разорвала его жизнь и авария забрала у него все самое дорогое, Марку было все равно. Константиனு не понадобилось много стараний, чтобы убедить его отказаться от ложного показания, с помощью которого он отправил брата на принудительное лечение, хотя ему самому теперь грозило уголовное преследование.

«Вытащи своего брата оттуда, – посоветовал ему тесть. – Он тебе нужен. Это единственный родственник, который у тебя еще остался».

Если до смерти Сандры Марк каждый день думал и переживал о своем лабильном брате, то после ему все стало безразлично. Он больше не размышлял о том, защищен ли Бенни в клинике лучше, чем на улице; теперь он сам психически был не в состоянии отличить правильные решения от ошибочных. А сегодня вечером у него это тем более не получалось – в день, когда ему пришлось спасти девушку от самоубийства, а затем принять участие в медицинском исследовательском марафоне.

Марк почувствовал, как внутри закипает ярость.

– Прошу прощения, но вы ведь подкараулили меня здесь не потому, что Бенни внезапно взялся за свое здоровье?

– Нет.

– Тогда почему?

– Как уже сказала, я очень переживаю. Вы должны за ним

присматривать. Я не думаю, что он сможет выжить самостоятельно.

«Мне этого объяснять не нужно. В конце концов, это я нашел его тогда в ванне».

– И из чего вы сделали такой вывод?

– Вот из этого.

Она поставила пакет на пол и, сунув руку во внутренний карман тренча, достала потрепанный конверт:

– Я нашла это в его комнате. Когда меняла простыни, через час после выписки.

Она открыла конверт, и Марк больше не знал, что сказать.

– Пятнадцать тысяч евро, банкноты настоящие, – произнесла Леана, и ее голос впервые прозвучал неуверенно, почти растерянно. – Я не знаю, что это значит. И я понятия не имею, как ваш брат заполучил эти деньги, находясь в закрытой клинике.

Кое-как Марку удалось отделаться от обеспокоенной медсестры, пообещав присмотреть за братом и разобраться с деньгами. Они договорились, что Леана не притронется к деньгам, пока он с ней не свяжется. Правда, Марк не представлял, когда у него появятся на это силы. В настоящий момент даже лестница в подъезде казалась ему непреодолимым препятствием.

Он с трудом поднимался по ступеням, мимо многочисленной обуви, которая стояла перед каждой дверью и своим состоянием, размером и запахом рассказывала о жителях дома не меньше, чем наклейки на их дверях или шум телевизионных программ, долетающий в коридор. За то короткое время, пока Марк здесь жил, он почти никого не встретил. Но имел вполне ясное представление о жизни своих новых соседей. О матери-одиночке, у которой не было денег на ремонт обуви; об алкоголике, предпочитающем с утра смотреть рестлинг, вместо того чтобы выбросить пустые бутылки в контейнер; или о шутнике, на коврике которого было написано «Вход воспрещен».

Добравшись наконец до четвертого этажа, он полез в карман брюк, чтобы достать ключ, который убрал во время разговора с Леаной. И наткнулся на формуляр для участия в эксперименте с памятью, который, разумеется, в итоге так и

не подписал.

«Мне нужно еще немного подумать», – солгал он на прощание Бляйбтрою. Прощание, за которым не последует встречи, это точно.

Идея забыть о несчастном случае с помощью одной-единственной таблетки была привлекательной, но не ценой собственной идентичности. С таким же успехом можно постоянно находиться под наркотой.

Марк достал ключ, который охранник клиники Бляйбтроя вернул ему на выходе из здания вместе с его ценными вещами и мобильным. На дисплее не отображалось ни одного пропущенного звонка.

В плафон светильника над дверью его квартиры каким-то образом попал мотылек и сейчас бился внутри. Марк вздохнул и вставил ключ в замок.

Какого черта?

Марк посмотрел вверх, чтобы убедиться, что не ошибся по причине своей усталости. Но там черным по зеленой штукатурке было написано «Апартаменты 317». Его квартира. Тем не менее ключ не поворачивался.

Проклятье, только этого не хватало.

Он вытащил ключ с крупными зубчиками из цилиндра и поднял к свету. Все в порядке. Ни изгиба, ни вмятины.

Мотылек угрожающе зажуужал, когда Марк попытался открыть дверь снова. На этот раз он подергал сильнее и даже уперся плечом. Безуспешно.

Он хотел было сделать третью попытку, как его взгляд упал на табличку рядом со звонком.

Марк в шоке замер.

«Кто, ради всего святого, это сделал?»

Связка ключей в его руках начала дрожать. Не веря своим глазам, он уставился на изогнутые буквы. Кто-то заменил его табличку на новую, на которой значилось не «Лукас», а «Зеннер». Девичья фамилия его погибшей жены.

Спустя секунду оцепенения его шок перерос в безграничную ярость из-за такой жестокой шутки. Марк снова вставил ключ в замок, подергал дверь и даже пнул ее ногой, но снова замер, как парализованный, когда услышал шорох.

«Неужели там есть кто-то?..»

Несомненно. Марк прижался ухом к двери и услышал громкие и отчетливые шаги. Они приближались к нему. Изнутри. Из его квартиры.

Ярость сменилась неподдельным страхом.

Марк отпрянул в ту самую секунду, когда открылась дверь. Совсем немного, насколько позволяла золотистая предохранительная цепочка. А в следующий момент – когда он увидел фигуру с бледными щеками и нерасчесанными волосами, которая грустно смотрела на него из его собственной квартиры, – время остановилось.

Марк заморгал, не в состоянии произнести ни слова. Закрыв глаза, чтобы быть уверенным. Но ему было достаточно и первого взгляда. Он сразу узнал ее по приподнятой брови;

по недоверчивому выражению лица, словно он только что сказал ей, какая она красивая.

Прямо перед ним, в каких-то десяти сантиметрах, стояла она.

Сандра.

Любовь всей его жизни.

Его беременная жена.

– Как это?.. Ты же не можешь... Ты...

Лепет Марка, не способного сформулировать мысль, с каждой незаконченной фразой становился все невнятнее.

– Да? – спросила женщина в дверях. Она откинула прядь волос со лба, и Марка тут же накрыло тысячью воспоминаний, вызванных ароматом французского медового шампуня, который Сандра так любила. Это она.

– Ты... здесь? – спросил он, и его правая нога задрожала, как будто он только что пробежал кросс с препятствиями. Он потянулся к ней, хотел просунуть руку в щель, чтобы удостовериться, что разговаривает не с духом. Женщина испуганно отпрянула.

– Что вам от меня нужно?

Вместо всех вопросов, которые он хотел задать, Марк сумел произнести лишь одно слово:

– Сандра?

– Мы знакомы? – Женщина в дверях снова подошла чуть ближе и приподняла левую бровь.

– Ха. – Он скорее выдохнул, чем рассмеялся. – Почему ты... я думал... Как ты можешь?..

– Простите, у меня кастрюля на плите, – сказала она и хотела закрыть дверь, но Марк в последнюю секунду успел просунуть ногу в проем. Он почувствовал, как ему прижало

пальцы, и обрадовался, потому что боль означала, что это не сон.

– Я думал, ты умерла, – вырвалось у него, и женщина изменилась в лице.

Блондинка, которая выглядела как его жена, говорила ее мелодичным голосом и была одета в белый топ на бретельках, который он всего несколько недель назад купил в магазине для будущих мам, изо всех сил навалилась изнутри на дверь и стала звать на помощь.

– Подожди, пожалуйста. – Марк навалился с другой стороны. – Это же я, Марк.

– Пожалуйста, уходите.

– Марк Лукас, твой муж.

– Я вас не знаю.

– Что? Любимая, ты не можешь вот так просто появиться и потом...

– Убирайтесь.

– Но...

– Немедленно, или я вызову полицию.

Женщина закричала, и Марк отступил. Отступил перед ее холодным взглядом и горьким осознанием, что она не шутит. Его жена, которая умерла шесть недель назад, понятия не имела, кто стоит напротив нее. Она видела в нем чужого. Даже хуже. Она смотрела на него испуганным взглядом, каким изучают зловещего незнакомца.

– Сандра, пожалуйста, объясни мне, что...

Марк не успел закончить предложение. Он уже разговаривал с закрытой дверью.

Нежелание принимать. Вытеснение. Отрицание.

Обессиленный, он поковылял вниз по лестнице, задаваясь вопросом, относятся ли галлюцинации к типичным побочным явлениям первой фазы траура. Затем вспомнил о статье, в которой писали, что фаза траура удивительным образом идентична фазе умирания. Как и семья покойного, смертельно больной в первые недели отказывается принимать ужасную правду.

Вытеснение. Отрицание. Забывание?..

Марк вцепился в перила. Не только из-за головокружения, а прежде всего потому, что хотел ощутить прохладную древесину под пальцами. В первый момент она показалась ему влажной, даже немного неприятной, словно он прикоснулся к чему-то мертвому, но тем не менее он хоть что-то чувствовал.

«Я живой. Возможно, я теряю рассудок. Но я жив».

И боль в животе стала тому подтверждением. Уже через несколько метров у него закололо в боку. Но это было несравнимо с душевной болью, которую причинил ему испуганный холодный взгляд Сандры.

«Она меня не узнала. Если это вообще была она».

Держась за перила, Марк спускался по лестнице и думал, не подводит ли его мозг. Не снится ли ему все это и не до-

статочно ли просто проснуться? Но что означает этот сон? Почему на двери значится другая фамилия и он не может попасть в собственную квартиру? Но отчего тогда у него все еще болят пальцы ног, которые Сандра прижала дверью?

Марк остановился между третьим и вторым этажом. Его взгляд упал на пару детских сапожек, которые выглядели так, словно ждали прихода Николауса. Они принадлежали единственному человеку, с которым – за исключением смотрителя дома – он перекинулся парой слов после переезда. Эмили. В выходные, когда не шел дождь, она устраивала во дворе маленький блошинный рынок и продавала вещи, которые имели ценность лишь в глазах шестилетней девочки. Марку ничего из этого не было нужно, но тем не менее он быстро стал ее первым покупателем. Он просто не мог пройти мимо Эмили, не купив какой-нибудь шарик, точилку для карандашей с мотивом из «Книги джунглей» или букетик засушенных цветов. На секунду он задумался, не позвонить ли в дверь ее матери.

«Извините? Я знаю, это звучит странно. Вы меня не знаете. Но не могли бы вы разбудить Эмили? Она должна подтвердить моей умершей жене, что я живу здесь, чтобы онапустила меня в мою квартиру».

Он горько рассмеялся и вдруг понял, почему некоторые люди сидят на скамейках в парках и разговаривают сами с собой. Тут жужжание наручных часов напомнило ему о том, что пора принять таблетки. Таблетки, которые ждали его в

зеркальном шкафчике в ванной комнате; в квартире, доступ в которую был ему закрыт, потому что его считавшаяся мертвой жена не хотела ни узнавать его, ни впускать внутрь.

Он решил сначала пойти к своей машине. После аварии, которую он устроил на автомобиле Сандры, Марк лишь однажды ездил на серебристом «мини», когда должен был поменять повязку. В тот день он испытывал такую всепоглощающую скорбь, что боялся упасть в метро. С тех пор он хранил в бардачке запасную упаковку медикаментов.

– Так мы и сделаем, – сказал Марк самому себе. Как только он справится с головной болью, придумает какой-нибудь план. Возможно, он и правда сошел с ума. Возможно, скорбь лишила его рассудка. Но пока он в состоянии передвигать ноги и размышлять об абсурдности ситуации, не станет действовать сгоряча.

Его намерение не продержалось и двух минут. Когда Марк вышел из подъезда в промозглый ноябрьский вечер, ему стало ясно, что серебристый «мини» больше не стоит на привычном месте. Исчезли и все другие машины, которые там обычно парковались. Вместо этого на ветру покачивалось несколько ржавых знаков «Остановка запрещена», которых он не заметил во время разговора с медсестрой.

Марк втянул носом холодный воздух. Тот пропах влажной листвой и отходами, которые поднялись на поверхность в переполненных канализационных каналах. Затем, чтобы унять дрожащие пальцы, Марк опустился на колено у бордюра и

завязал шнурки. В этот момент на улицу завернула полицейская машина и медленно покатила по мостовой. Проезжая мимо, полицейские в униформе подозрительно оглядели его.

Марк поднялся и задумался, не подать ли знак, чтобы патрульная машина остановилась, но упустил момент, и «фольксваген» повернул за угол.

Он побежал за ним вслед, вниз по мостовой до перекрестка, затем, все быстрее, вокруг квартала, хотя абсолютно точно знал, что не оставлял свою машину ни в одном из близлежащих переулков. В конце концов он, тяжело дыша, снова оказался перед входом в свой подъезд и посмотрел наверх. На четвертом этаже – там, где находилась комната с множеством коробок, которые он не успел распаковать, там, где картины стояли на ламинате, а пустой аквариум служил мусорным ведром, – именно там кто-то отпрянул от окна и скрылся за занавеской. Кто-то с длинными светлыми волосами.

«О'кей, с меня хватит этого безумия».

Он сунул руку в карман брюк и нащупал между формуляром и пустой блистерной упаковкой из-под таблеток свой телефон. Марк нечасто просил о помощи, но сейчас ему одному точно не справиться.

«Сначала я позвоню домой, чтобы проверить, подойдет ли Сандра к телефону. Потом Константину, может, даже в полицию...»

– Какого черта, *это* еще что такое? – Марк снова разго-

варивал сам с собой. Затем захлопнул и снова открыл телефон-раскладушку. Услышал привычное пицание, провел большим пальцем по царапине на экране, увидел знакомую заставку с облаками, но телефон все равно казался чужим.

Ничего.

Ни одной записи. Не было никого, кому он мог бы позвонить, потому что все его контакты были удалены.

– Нет, Лукас – это фамилия. И через «к». Да, все через «к», Марк и Лукас, вы нашли?

Марк прикрыл ладонью микрофон телефона и перегнулся вперед к водителю, в «мерседес» которого только что сел.

– Карл-Маркс-штрассе, рядом с Хазенхайде, пожалуйста.

В ответ мужчина шмыгнул носом и сделал радио погромче. Из колонок затрещала индийская музыка, исполняемая на ситаре.

– Ничего? Номер В-YG 12. Хорошо, хорошо. Значит, ее не эвакуировали? Спасибо.

Он завершил разговор с полицейской службой, с которой его только что соединила справочная провайдера сотовой связи. В следующий момент Марка вжало в обтянутые синтетическими чехлами сиденья: дизельный автомобиль на удивление быстро разогнался. Марк поискал ремень безопасности, но тот соскользнул за откидываемую спинку.

– Что-то не так? – спросил лысый водитель и недоверчиво посмотрел в зеркало, на котором болтались два войлочных кубика. Одновременно положил стероидную руку на подголовник пассажирского сиденья. С трубкой во рту он легко бы сошел за моряка Попая³.

³ Попай – герой американских комиксов и мультфильмов.

«Да, кое-что действительно не так. Я только что встретил свою жену. И хотел бы пристегнуться, чтобы мне не пришлось повторить ее судьбу. Дело в том, что она мертва, понимаете?»

– Все в порядке, – ответил Марк. Он бы с удовольствием подвинулся на соседнее сиденье, но было не похоже, что Попай обрадуется пассажиру у себя за спиной. Поэтому Марк остался на своем месте и, так и не пристегнувшись, уставился в окно.

Еще никогда, даже в самые тяжелые дни траура, он не чувствовал себя таким одиноким, как в этот момент.

Прошло всего пять минут с тех пор, как он впервые увидел пустой дисплей своего телефона. Пять минут, за которые осознал, что потерял связь со своей жизнью – в буквальном смысле слова. Он часто дискутировал с друзьями о том, как сильно изменится жизнь, если вдруг исчезнет электричество. Но он не думал, что потеря телефона будет иметь почти такое же значение. В обществе, где мобильный телефон давно уже служил не только для коммуникации, а был компьютером, с помощью которого можно управлять всей своей социальной жизнью, не существовало более простого способа отрезать кого-то от внешнего мира, чем украсть у него сим-карту.

За последние годы он ни разу не набрал ни одного номера по памяти, а всегда выбирал в электронной телефонной книге имя того, кому хотел позвонить. Для Сандры, Константи-

на, своей коллеги Розвиты, школьного друга Томаса и других самых близких контактов ему вообще было достаточно нажать кнопку короткого вызова. Единственный номер, который он еще помнил наизусть, – его собственный – был сейчас самым бесполезным. Все остальные он когда-то сохранил под соответствующим именем и забыл.

«Научиться забывать».

Марк еще раз перепроверил все подмену своего телефона – контакты, набранные номера, пропущенные звонки, эс-эмэс и эмэмэс – ничего. Кто-то в клинике сбросил все его установки до заводских. Случайно или намеренно. Результат был один – Марк оказался отрезанным от внешнего мира. Конечно, была справочная, но там ему тоже не дадут конфиденциальный номер Константина Зеннера. А ведь если кто и мог ему сейчас помочь, так это его тесть. С одной стороны, он скорбел о Сандре так же, как и Марк, с другой – был медиком. Если у Марка вдруг началось бредовое расстройство, то Константин знает, что делать. Его друг Томас лишь беспомощно пожмет плечами и станет давать бесполезные советы: «Перепроверь клинику, в которой ты сегодня был, поговори с полицией, вызови службу по вскрытию замков».

А это не так просто, когда ты забыл паспорт в квартире, в которой официально еще не зарегистрирован. После переезда прошло всего три недели.

Томас при этом будет постоянно смотреть на часы и просить его говорить потише, чтобы не разбудить ребенка, а то

жена устроит ему нагоняй.

Марк спрашивал себя, как характеризует его тот факт, что на протяжении последних лет у него не получалось регулярно поддерживать отношения с друзьями. Вообще-то в его жизни был один-единственный друг, чье тело шесть недель назад он пожертвовал науке.

Сандра.

Он так и не нашел в себе силы, чтобы прийти к ней в последний раз в отделение патологии, где ее труп сейчас вскрывают студенты-медики. По этой причине до сих пор не была назначена дата официального погребения.

– Что там сегодня? – крикнул таксист назад. Убавить звук ему в голову не приходило.

– Что вы имеете в виду? – удивленно спросил Марк.

– Ну, в «Хакслис». Кто выступает-то?

«Я похож на человека, собирающегося на рок-концерт?»

– Без понятия. Мне просто нужно заскочить в бюро.

Попай взглянул в зеркало заднего вида, снова шмыгнул носом, дав понять, что думает по поводу офиса в таком месте.

– Я тащусь от «Эйши», – ни с того ни с сего заявил он. Видимо, ожидал удивления, что у бодибилдера может быть такой необычный музыкальный вкус. Марк пытался его игнорировать. Ему нужно было собраться с силами, чтобы отсортировать вопросы, на которые его мозг так и не нашел ответов: *«Почему я не могу попасть к себе в квартиру? Если*

Сандра умерла, как она могла открыть мне дверь? Если она жива, почему не узнает меня?»

– Кем вы работаете? – спросил водитель. Сейчас ему приходилось перекрикивать не только индийскую музыку, но и невнятное шипение из рации.

«Неудивительно, что я не могу собраться с мыслями».

Сначала Марк решил сразу поехать к Константину. Но потом вспомнил, что на его рабочем компьютере в бюро «Пляж» сохранены все данные из памяти телефона. К тому же тех нескольких купюр, что лежали в кошельке, не хватило бы на поездку ни до семейной виллы в Сакрове, ни до частной клиники Константина на Хеерштрассе.

«01621...» Марк ломал себе голову. У сотовых номеров Сандры и Константина был одинаковый код. Он также знал, что каждый номер заканчивался на 66.

«Дьявольские числа», – как-то раз пошутила Сандра. К сожалению, она не дала ему подсказку для оставшихся четырех чисел посередине. Марк почувствовал себя, как в детстве, когда они с Бенни пытались взломать велосипедные кодовые замки на школьном дворе. Было абсолютно невозможно случайно подобрать правильную комбинацию телефонного номера.

«Давай-ка все по порядку. Сейчас ты поедешь в бюро, зарядишь телефон, вернешь себе деньги, а потом и жизнь. Свою идентичность».

На таксометре выскочило двенадцать евро тридцать цен-

тов, и тут в голове Марка сформировалась мысль. Он попытался отогнать ее от себя, но в следующий момент понял, что должен решиться на это, если хочет выяснить, что происходит. Если кто-то произвел манипуляции с его мобильным, то это можно было проверить только с помощью телефона стороннего человека.

– Простите? – Он прикрыл свой мобильник так, чтобы водитель его не увидел, и нагнулся вперед. – Вы не могли бы сделать мне одолжение?

Попай тут же убрал ногу с педали газа и свернул на обочину, хотя до цели оставалось всего двести метров.

– Денег нет? – подозрительно спросил он и обернулся.

Марк просунул телефон под бедро.

– Нет, нет. Мне кажется, я потерял свой телефон. Вы не могли бы набрать мой номер?

Марк указал на телефон водителя, который был вставлен в пластиковый держатель рядом с таксометром и служил навигатором.

– Потеряли? Вы же разговаривали, когда сели в машину.

Черт! Марк был настолько растерян, что даже не подумал об этом.

– Это мой второй телефон. А вот блэкберри пропал, – поспешно соврал он.

Таксист был настроен скептически.

– Вы голубой? – спросил он.

– Почему вы так решили?

– Ну, это распространенный трюк. Я звоню вам, чтобы у вас остался мой номер. Но я не такой. Хотя я и ношу кожаные вещи, но это не означает...

– Нет, не волнуйтесь. Я действительно просто хочу знать, потерял ли я где-то свой служебный телефон или он остался у моей подружки. Я бы и сам себе позвонил, но у меня аккумулятор разрядился. – Марк снова вытащил свой мобильник.

Водитель по-прежнему сомневался.

– У меня все равно скрытый номер.

– Видите, тогда вообще без проблем.

Попай напряг бицепс, презрительно фыркнул, затем почти силой вырвал телефон из крепления и набрал номер, который продиктовал ему Марк.

– Гудки идут, – сказал он спустя какое-то время и отстранил телефон от уха.

Марк слышал тихие сигналы, хотя на его дисплее не отображался входящий звонок.

«Значит, я был прав. Они просто заменили сим-карту. Но зачем?»

– Разве вы не сказали, что оставили его у подружки? – Водитель вывел Марка из задумчивости.

– Да?

– А здесь какой-то мужчина.

– Что?

Попай протянул ему телефон назад.

– Извините, видимо, я ошибся номером.

– Ничего страшного, а с кем вы хотели поговорить?

Марк назвал ему свое полное имя и уже собирался положить трубку, как мужчина дружелюбно рассмеялся:

– Ну, тогда вы по адресу, дружище, в чем дело?

– Простите?

Телефон грозил выскользнуть из его влажных пальцев, а пульс участился в два раза.

– Итак, я Марк Лукас, – сказал незнакомец на другом конце, – с двумя «к». – Он захихикал. – Подождите секунду. – Раздался шорох, и мужчина глухо спросил: – Все в порядке, милая?

И тут Марк выронил трубку. Когда услышал смех женщины на заднем плане.

Сандра.

– Эй, а сдача! – крикнул ему вслед таксист, но Марк не обернулся. Ему срочно нужно было выбраться из такси. Наружу, на свежий воздух, хотя он знал, что это не поможет сдержать рвоту. Обычно тошнота подкатывала вскоре после приема таблеток. Но сейчас причиной стал исключительно телефонный разговор, который он только что вел с незнакомцем.

«Незнакомец, который носит мое имя? Живет моей жизнью?»

Такси остановилось не на той стороне. Несмотря на усталость, Марк пытался бежать последние сто метров до светофора, чтобы перейти дорогу и попасть в бюро, но уже через несколько шагов у него закололо в боку. Раньше он легко пробегал по десять километров. После несчастного случая его физическая форма была не лучше, чем у ракового больного. И сейчас, после всего произошедшего с ним сегодня, это было неудивительно.

Константин объяснял его слабое состояние не только побочными эффектами иммуноподавляющих медикаментов, которые должны были предотвратить отторжение осколка в затылке. «Это твоя душа, которая без тренировки хочет пробежать марафон», – сказал он, желая уговорить зятя на психологическое лечение.

Марк прижал руку к боку и попытался направить дыхание в точку боли, как его учил брат. Когда они были еще детьми и регулярно спасались бегством от контролеров в метро, долго до того, как между ними возникла ненависть.

– Я теряю рассудок, – раз за разом повторял он.

В дождь на улице было мало прохожих, и ни продавец газет, ни парочка студентов, ни большое иностранное семейство не удивлялись качающему головой и что-то бормочущему мужчине. Не в Берлине. Не в этом районе.

– Либо я сошел с ума, либо в клинике со мной что-то сделали, – сказал Марк самому себе.

Подходя к светофору, Марк миновал аптеку, решетка которой была уже опущена, но в окне горел свет. Он взглянул на часы. 21:57. «Вечернее дежурство» – светилась табличка в витрине. Впервые за долгое время ему хоть в чем-то повезло.

У него оставалось еще три минуты, чтобы купить медикаменты. Марк позвонил. В следующий момент к нему сзади подошел мужчина с полиэтиленовым пакетом в руке и зажег сигарету. В отражении стеклянной двери Марк разглядел, что у парня текла кровь из носа. Ему было лет восемнадцать, может, меньше. Изображение исчезло, когда стеклянное окошко открылось изнутри и усталый аптекарь молча кивнул. В руке он держал пульт управления, которым переключал телевизионные каналы, пока его не побеспокоили. Марк вытащил пластиковую блистерную упаковку, из кото-

рой были уже выдавлены все таблетки, и протянул ее мужчине, которого – согласно бейджу на халате – звали А. Штайнер.

– Аксемносфальт? – недоверчиво прочитал он на обратной стороне, словно Марк требовал героина. – У вас есть рецепт?

Марк помотал головой. Раньше он всегда получал лекарство в больничной аптеке после перевязки.

– Никогда о таком не слышал, – сказал аптекарь и зашаркал в медицинских ортопедических тапочках за прилавок. Марк слышал, как открывались и снова закрывались ящики металлического шкафа.

– И принесите, пожалуйста, заодно аспирин и драже «Вомекс А», – крикнул он вслед аптекарю.

Молодчик за спиной нетерпеливо застонал и выдохнул сигаретный дым ему прямо в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.